

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Выпускъ 19-й.

Демонстрація на Казанской площади.

Процессъ <50-ти> и <193-хъ>.

Выпускъ 20-й.

**Клемехъ.—
Кравчихскій (Степнякъ).—
Рогачевъ.**

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

**Демонстрація
на Казанской
площади.**

Процесъ <50-ти> и <193-хъ>.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 46
1907.

I.

Дѣло о демонстраціи на Казанской площади. — Арестъ Боголюбова. — Яковъ Потаповъ. — Обвиняемые и обвиненіе. — Изъ рѣчи прокурора. — Приговоръ сената. — Значеніе демонстраціи въ исторіи революціоннаго движенія.

Рядъ большихъ политическихъ процессовъ 1877—8 года. открывается дѣломъ «о преступной демонстраціи, бывшей на Казанской площади въ С.-Петербургѣ, 6-го декабря 1876 г.». Оно разсматривалось особымъ присутствіемъ правительствующаго сената съ 18-го по 25-е января. Насколько власти медлили съ преданіемъ суду пронагандистовъ, томившихся по тюрьмамъ въ теченіе свыше 4-хъ лѣтъ, настолько судъ надъ демонстрантами былъ произведенъ съ необыкновенною поспѣшностью. По этому дѣлу не производилось предварительное слѣдствіе, и матеріаломъ для составленія обвинительнаго акта послужило полицейское дознаніе. Обвинительный актъ былъ врученъ подсудимымъ уже 7 января, то-есть всего только мѣсяць спустя, послѣ демонстраціи.

Предсѣдательствовалъ по этому дѣлу сенаторъ К. К. Петерсъ, въ составъ присутствія входили сенаторы: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, Д. Д. Нееловъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ, и сословные представители: черниговскій губернский предводитель дворянства Н. И. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный Н. И. Сназинъ-Тормасовъ, псковскій городской голова Сутгофъ и волостной старшина. Обвинялъ товарищъ прокурора петербургской палаты К. И. Поскочинъ. Защищали подсудимыхъ присяжные повѣренные: Архангельскій, Бардовскій, Буйми-

стровъ, Гантоверъ, Зпамеровскій, Каміонко, Неклюдовъ, Ольхинъ, Полуянскій, Турчаниновъ и пом. прис. пов. Граціанскій.

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

6-го декабря 1876 г., въ понедѣльникъ, Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися, среди которыхъ обращала на себя вниманіе группа учащейся молодежи, державшейся вполне непринужденно, шептавшей, переходившей съ мѣста на мѣсто и т. д.

Послѣ общаго молебна церковь значительно опустѣла, такъ какъ публика начала выходить понемногу по окончаніи литургіи, и въ храмѣ оставалась почти только одна молодежь, въ количествѣ 150 человекъ. Городовой Есипенко, находившійся въ соборѣ, подозрѣвалъ, что затѣвается какой-то безпорядокъ, и даже рѣшилъ отправиться съ докладомъ по этому поводу къ приставу, но толпа, хлынувшая къ выходу скученною массою, отгѣснила его отъ двери. Есипенко могъ выбраться изъ собора только вслѣдъ за толпой, послѣ чего побѣжалъ дать знать о происходившемъ въ 1-й участокъ Казанской части.

Между тѣмъ, толпа молодежи вышла на площадь передъ соборомъ. Какой-то молодой человекъ, высокаго роста блондинъ, сталъ говорить рѣчь о бѣдственномъ положеніи народа, у котораго для взысканія податей продаютъ послѣднюю корову, о гнетѣ и несправедливости правительства, о ссылкѣ лучшихъ русскихъ людей, какъ-вы Долгушинъ, Нечаевъ, Чернышевскій и др. Рѣчь была покрыта аплодисментами и криками: «Браво! Браво!» Одновременно кто-то выбросилъ красный флагъ съ надписью «Земля и Воля», но, такъ какъ онъ былъ не на древкѣ, то молодые люди подняли и подбрасывали небольшого роста парня, въ полушубкѣ, который, взлетая на воздухъ, держалъ флагъ развернутымъ въ обѣихъ

рукахъ. Все это сопровождалось криками «ура» и бросаніемъ на воздухъ шапокъ.

Прибывшій въ это время на площадь чиновникъ полиціи Васильевъ бросился прямо въ толпу и хотѣлъ схватить флагъ, но былъ сбитъ сильнымъ ударомъ въ голову и упалъ на землю, гдѣ его топтали ногами. Такой же приѣмъ встрѣтилъ и околоточный надзиратель Успенскій, бросившійся на помощь Васильеву. Толпа съ криками: «Братцы! плотнѣе! не расходитесь! Кто подойдетъ, тотъ уйдетъ безъ головы!», двинулась впередъ по направленію къ памятнику Кутузова. Во главѣ толпы шла молодая женщина, съ распустившимися косами, кричавшая: «Впередъ! за мною!»

Толпа прослѣдовала до угла Невскаго и Казанской площади, гдѣ разсѣялась. Городовые подъ руководствомъ Успенскаго и Васильева, при участіи добровольцевъ изъ нублики, стали задерживать руководителей демонстраціи, которые, съ своей стороны, отбивались изо всѣхъ силъ. Многіе городовые и ихъ помощники изъ добровольцевъ были избиты, на многихъ было изорвано платье.

Изъ числа молодыхъ людей, сопротивлявшихся особенно упорно, обратилъ на себя вниманіе Боголюбовъ, дравшійся и на площади, и по дорогѣ въ участокъ. Онъ не хотѣлъ позволить въ участкѣ обыскать себя и, когда его хотѣли обыскать силою, онъ выхватилъ висѣвшій у него на тесьмѣ подъ платьемъ заряженный револьверъ, взвелъ курокъ и направилъ дуло въ упоръ на сторожа Клибика, но тотъ успѣлъ отвести револьверъ въ сторону и вырвать барабанъ съ патронами, рассыпавшимися по полу. Спущеннымъ Боголюбовымъ куркомъ прищемило Клибiku палець, и этому онъ былъ обязанъ жизнью. Палець, разсѣченный и прижатый къ патрону предотвратилъ выстрѣлъ.

Въ участкѣ, между дверями, былъ найденъ другой карманный заряженный револьверъ, брошенный, очевидно, кѣмъ-то изъ задержанныхъ. На Малой Конюшенной былъ найденъ чугунный наручникъ, брошенный, очевидно, тоже однимъ изъ участниковъ демонстраціи.

Одинъ свидѣтель происшествія на Казанской площади, нѣкій Абрамовъ, замѣтилъ, что парень въ полушубкѣ, котораго толпа поднимала со знаменемъ въ рукахъ, когда началась свалка, ретировался и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей, направился на Большую Садовую, гдѣ разстался со своими товарищами. Они направились дальше по Садовой, парень же въ нагольномъ полушубкѣ пошелъ спокойно по направленію къ Публичной Библиотекѣ. Тутъ Абрамовъ при содѣйствіи городского задержалъ его и отправилъ въ полицію, а оттуда въ жандармское управленіе, гдѣ при обыскѣ въ карманѣ молодого челоука былъ найденъ красный кумачевый флагъ съ вышитыми на немъ бѣлыми шелковыми шнурами словами: «Земля и Воля».

При доставкѣ въ жандармское отдѣленіе, задержанный кричалъ: «Да здравствуетъ свобода!»

Парень оказался крестьяниномъ Тверской губ., Яковымъ Потаповымъ. Его родственники, рабочіе фабрики Тортонна, объяснили, что и Потаповъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ работалъ на этой фабрикѣ, гдѣ зарабатывалъ по 20—23 руб. въ мѣсяць. Въ 1874 г., онъ безъ всякой видимой причины бросилъ фабрику и на работу больше не возвращался. По слухамъ, на Якова, работающаго и хорошаго мальчика, дурно повліяло знакомство со студентами. Изъ Петербурга онъ отправился въ Кіевъ, откуда былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину за участіе въ пропагандѣ. Онъ былъ присланъ туда по этапу 27-го іюня 1876 г., но скрылся изъ деревни сейчасъ же послѣ Покрова.

Что касается дѣвушки, шедшей впереди процессіи и кричавшей: «Впередъ! за мною!», то ею оказалась готовящаяся къ поступленію на женскіе медицинскіе курсы Фелиція Шефтель. Она, какъ почти и всѣ задержанные, отрицала свое участіе въ демонстраціи. Ш. утверждала, что зашла въ Казанскій соборъ случайно, посмотреть, какъ молятся православные. Выйдя изъ собора, она остановилась послушать, что говорятъ, и тутъ на нее напала полиція.

Во время обыска у одного изъ задержанныхъ, студента медико-хирургической академіи Александра Николаевича Бибергала, было найдено между другими бумагами стихотвореніе, писанное рукою Бибергала, «явно возмутительнаго» содержанія. Тамъ говорилось о рабочихъ, возвращающихся послѣ трудовъ на родину, гдѣ ожидаетъ ихъ страшная бѣдность и больныя дѣти въ отреньяхъ. Стихотвореніе составило особый пунктъ обвиненія противъ Бибергала.

Кто произнесъ рѣчь на Казанской площади, такъ и осталось невыясненнымъ, но теперь извѣстно, что это былъ Плехановъ.

Результатомъ демонстраціи было привлеченіе къ отвѣтственности 21 человѣка, по преимуществу учащейся молодежи. Въ частности обвинялись:

1) Студенты медико-хирургической академіи: Иванъ Антоновичъ Гервасій, Александръ Николаевичъ Бибергаль и Яковъ Ефимовичъ Гуровичъ;

студентъ института инженеровъ путей сообщенія, Василій Семеновичъ Надеждинъ;

личные почетные граждане: Архипъ Петровичъ Боголюбовъ, Евгений Константиновичъ Бочаровъ, Михаилъ Михайловичъ Гернавскій и Григорій Игнатьевичъ Громовъ;

ученикъ императорской академіи художествъ,
Илья Родионовичъ Поповъ;

сыновья купцовъ: Николай Яковлевичъ Фа-
линъ и Семень Львовичъ Геллеръ;

мѣщане: Ефимъ Захаровичъ Новаковский, Ва-
силій Яковлевичъ Ивановъ (онъ же Савельевъ) и
Александръ Ивановичъ Морошкинъ;

крѣстьяне: Тверской губ., Яковъ Потаповъ,
Новгородской, Василій Тимофѣевъ, и Ярославской,
Матвѣй Григорьевъ;

дочь дворянина, Варвара Константиновна Илья-
шенко, дочь чиновника, Лидія Васильевна Нико-
лаевская, дочь майора, Софья Андреевна Иванова,
и дочь купца, Фелиція Исааковна Шефтель.

Всѣ вышеперечисленные лица обвинялись въ
томъ, «что 6-го декабря 1876 г., по окончаніи
богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, въ который
они собрались, вслѣдствіе распространившихся
между ними свѣдѣній о готовившемся на это чи-
сло выраженіи враждебныхъ правительству мнѣ-
ній, выйдя съ другими не разысканными лицами
на площадь, образовали изъ себя толпу, слушали
произносившуюся изъ среды ихъ рѣчь, напра-
вленную къ порицанію установленнаго закона-
ми государственнаго порядка и образа правленія,
выражали сочувствіе этой рѣчи громкими кри-
ками и знаками одобренія, поднимали красный
флагъ съ революціоннымъ воззваніемъ «Земля и
Воля», а затѣмъ толпою же, получившею вслѣд-
ствіе вышеизложеннаго характеръ явно возму-
тительнаго дѣйствія, двинулись отъ собора по
площади, чѣмъ и сдѣлались участниками пре-
ступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отдѣломъ 252
ст. ул. о нак.».

2) Тѣ же лица обвинялись также и въ томъ,
что оказали явное, соединенное съ насиліемъ,
сопротивленіе полицейской власти, которая, съ
помощью частныхъ лицъ, приступила къ задер-
жанію ихъ.

3) Гервасій, Бибергаль, Боголюбовъ, Бочаровъ, Надеждинъ, Чернавскій и Шефтель обвинялись въ непосредственномъ нанесеніи ударовъ полиціи.

4) Боголюбовъ обвинялся, кромѣ того, въ томъ, что посягнулъ на жизнь служителя Клибника, спустивъ курокъ заряженнаго револьвера, причеиъ выстрѣла не послѣдовало по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, и

5) Бибергаль въ томъ, что составилъ стихи возмутительнаго содержанія.

Приговоръ сената по дѣлу былъ очень суровъ. Не говоря о Боголюбовѣ, виновномъ все-таки въ покушеніи на убійство, онъ приговорилъ его, Бибергалья и Чернавскаго, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 л., Бочарова и Гервасія—на 10 лѣтъ, Фалина, Новаковскаго, Николаевскую, Ильяшенко, Иванову и Гуровича къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, Шефтель—въ каторжныя работы на 6 л. и 8 мѣс., Потапова, Геллера, Попова, Громова, Григорьева и Тимофѣева—въ Сибирь на поселеніе.

Сенатъ призналъ невиновными и оправданными по суду: Надеждина, Морошкина и Иванова (онъ же Савельевъ).

Самому старшему изъ обвиняемыхъ было 24 года, младшей (Шефтель)—16.

Когда обвиняемые по этому дѣлу содержались въ домѣ предварительнаго заключенія, то тамъ произошелъ инцидентъ, извѣстный подъ названіемъ боголюбовской, или треповской исторіи, но прежде, чѣмъ перейти къ нему, намъ необходимо остановиться на разсмотрѣніи порядковъ мѣстъ предварительнаго заключенія на почвѣ которыхъ разыгрался инцидентъ.

II.

Въ Петропавловской крѣпости. — Изъ воспоминаній С. Синегуба. — Домъ предварительнаго заключенія. — Покушеніе на побѣгъ Ковалика и Войпоральскаго. — Побѣгъ Волховскаго. — «Клубы» и «кони». — Инцидентъ съ Треповымъ. — Боголюбовская исторія.

Аресты пропагандистовъ начались въ концѣ 1873 г. и производились почти непрерывно до конца 1875 г., но судъ надъ ними состоялся только въ концѣ 1877 г. Такимъ образомъ, многимъ изъ нихъ пришлось провести въ одиночномъ заключеніи болѣе четырехъ лѣтъ, прежде чѣмъ предстать предъ судомъ.

Самые важные изъ пропагандистовъ, какъ кн. Кропоткинъ, Синегубъ, Сердюковъ и др., были помѣщены въ подслѣдственномъ отдѣленіи Петропавловской крѣпости. Тамъ ихъ обыскивали, раздѣвши предварительно донага, наряжали въ казенное бѣлье: рубашку, исподнее, чулки, кожаные чирки, въ сѣрый длинный больничнаго покроя халатъ, и препровождали въ одиночныя камеры. Собственная одежда уносилась въ цейхгаузъ и выдавалась при всякомъ выходѣ изъ камеры во внѣшній міръ: на прогулку, свиданіе, допросъ, но по возвращеніи въ камеру неукоснительно отбиралась и уносилась вновь въ цейхгаузъ.

Зданіе подслѣдственнаго отдѣленія было не-

высокое, двухэтажное, построенное многоугольникомъ, внутри котораго помѣщался дворикъ съ деревьями и клумбами цвѣтовъ и съ маленькою банею для заключенныхъ посерединѣ. У стѣнъ зданія были панели, и по нимъ, а также по аллеякамъ садика возлѣ бани, ходили во время прогулки арестованные. Высокія стѣны Петропавловскихъ рavelиновъ окружали зданіе.

Камеры въ подстѣдственномъ отдѣленіи были довольно большія, шаговъ десять по діагонали, и очень высокія. Изъ оконъ камеры, кромѣ бѣлой крѣпостной стѣны и клочка неба, ничего не было видно. Только въ нѣсколько камеръ верхняго этажа въ ясные дни заглядывало не надолго солнце.

Полъ камеръ былъ асфальтовый, покрытый желтой краской. Двѣ стѣны камеры были обиты кошмой, вплоть до начала потолочнаго свода, сверхъ кошмы была натянута грубая парусина, а на парусину были наклеены желтыя полосатые обои. Стѣна, въ которой была ниша съ дверью, и стѣна съ окномъ не были обиты кошмой. Въ стѣнѣ возлѣ двери помѣщалась кнопка электрическаго звонка. Въ сплошной ординарной двери, окрашенной въ желтую краску, находилась форточка, въ квадратный футъ величиною, въ которую подавалась заключеннымъ пища и другіе предметы. Нѣсколько выше форточки было отверстіе со вставленнымъ въ него стекломъ, закрываемое изъ коридора деревянной пластинкой. Оно причиняло не мало досады заключеннымъ. Время отъ времени раздавался характерный шорохъ, пластинка приподнималась, и въ стеклышкѣ появлялись чѣм-то два глаза, устремившіеся на заключеннаго, что такъ раздражало многихъ, что они плевали въ стекло, въ глаза, бросали въ дверь книгами, кричали: «пошелъ къ чорту!»

Сильно раздражали также заключенныхъ часы

Петропавловской крѣпости, вызванивающіе каждую четверть часа куранты.

Каждое утро, послѣ того, какъ одинъ изъ гарнизонныхъ солдатъ выносилъ ведро изъ-подъ умывальника и «парашу», въ камеры заходилъ смотритель подслѣдственного отдѣленія, подполковникъ Богородицкій, справлялся о здоровьи, спрашивалъ, не надо-ли чего-нибудь купить, такъ какъ въ крѣпости разрѣшалось покупать на свои деньги табакъ, чай, сахаръ, закуски. Затѣмъ приносили чай въ двухъ коричневыхъ глиняныхъ кружкахъ на подносицѣ, на которомъ лежали два кусочка сахару, булка, калачъ или сайка. Не имѣвшимъ собственныхъ денегъ выдавалось въ день по 11 штукъ казенныхъ папирозъ.

Кормили въ крѣпости, по свидѣтельству Синегуба, не только сытно, но даже изысканно. Разнообразіе меню было удивительное. Кормили щами, и борщами, и всякими супами, и жаркимъ, и рыбой, и дичью, и домашней птицей. На третье блюдо давали: блинчики съ вареньемъ, вафли, желе, кисель, даже компотъ изъ фруктовъ. Синегубъ пишетъ, что для него, не привыкшаго къ изысканной пищѣ, такіе обѣды казались просто роскошью.

Подавался обѣдъ въ оловянной посудѣ, съ оловянною ложкою. Ни ножей, ни вилокъ не полагалось; все твердое нарѣзывалось кусочками и въ такомъ видѣ доставлялось въ камеру. Вообще, кормежка въ крѣпости была въ то время изобильна и разнообразна, но она не избавляла отъ мучительной тоски. Весь день, кромѣ чтенія книги, нечего было дѣлать. Писать нельзя было: ни бумаги, ни чернилъ, ни карандаша имѣть не разрѣшалось. На прогулку по описанному выше дворику полагалось полчаса въ день, подѣ при-
смотромъ трехъ человѣкъ: присяжнаго унтеръ-

офицера, гарнизоннаго солдата, стоявшаго у воротъ, и солдата изъ караула.

Смотритель отдѣленія, подполковникъ Богородицкій, былъ, повидимому, добродушный человекъ и къ подслѣдственнымъ относился хорошо. Впослѣдствіи его старшій сынъ устроилъ сообщеніе между террористами и волею и за это самъ попалъ въ ссылку, послѣ чего и его отецъ лишился мѣста. Подполковникъ не мѣшалъ особенно настойчиво заключеннымъ переговариваться при посредствѣ стуковъ, которое производилось чаще всего при посредствѣ такого шифра:

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	э	ю	я	

Первый ударъ означалъ строку, второй букву; вышеприведенная таблица писалась на листочкѣ папиросной бумаги, и такимъ образомъ происходили разговоры.

Въ декабрѣ 1875 г. заключенные постепенно были переведены изъ Петропавловской крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія, такъ какъ слѣдствіе по дѣлу о пропагандѣ было передано въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Имъ руководилъ прокуроръ саратовской судебной палаты Жихаревъ, получившій впослѣдствіи за это дѣло званіе сенатора, при участіи своихъ помощниковъ: Шубина, Меркулова и Мясоѣдова.

Обстановка дома предварительнаго заключенія, въ сравненіи съ крѣпостью, оказалась удручающею. Камеры были маленькія, гораздо ниже, ходить по нимъ не было возможности, въ окнахъ были матовыя стекла. Кормили ствратительно,

но режимъ этого дома былъ нѣсколько мягче крѣпостного: разрѣшалось носить собственное платье и бѣлье, имѣть собственный чайникъ и стаканъ, письменныя принадлежности, собственные книги.

Заключеннымъ разрѣшалось посѣщать церковь, гдѣ для государственныхъ преступниковъ были устроены особыя клѣтушки, изъ которыхъ они черезъ небольшое, менѣе получетверти въ квадратъ, отверстіе съ рѣшеткою могли созерцать, что происходило въ церкви. Стѣнки клѣтушекъ были очень тонки: хорошимъ гвоздемъ ихъ можно было пробуровать, что давало возможность пришедшимъ въ церковь пошептаться другъ съ другомъ.

Среди уголовныхъ арестантовъ, развозившихъ нищу заключеннымъ, и младшихъ надзирателей оказались лица, сочувствовавшія политическимъ; они не только передавали записки изъ камеры въ камеру, но носили записки на волю. При ихъ помощи Сергѣй Коваликъ и Порфирій Войноральскій чуть, было, не бѣжали изъ «предварилки». Это произошло такимъ образомъ:

Они подмѣтили, что третья галлерей первого яруса «предварилки» упиралась своимъ балкономъ въ наружную стѣну, огромныя матовыя окна которой выходили на улицу. Балконъ оканчивался какъ разъ подъ однимъ изъ этихъ оконъ, запиравшимся на замокъ, ключъ отъ котораго находился всегда у дежурнаго старшаго надзирателя. По близости имѣлась площадка, на которой помѣщались столъ и стулъ старшаго дежурнаго надзирателя.

На вышеуказанное окно обратилъ вниманіе Коваликъ и сообщилъ о своемъ открытіи своему пріятелю Войноральскому. При помощи двухъ надзирателей: Баранова и Иванова, они рѣшили осуществить слѣдующій планъ:

Требовалось, во-первыхъ, украсть у старшаго надзирателя ключъ, которымъ онъ запиралъ камеры съ государственными преступниками, снять съ него восковой слѣпокъ и заказать по немъ соответствующій ключъ. Во-вторыхъ, надо было отобрать у старшаго надзирателя еще и ключъ отъ створчатаго окна на улицу и, въ-третьихъ, надо было усыпить снотворнымъ снадобьемъ дежурныхъ надзирателей, старшаго и младшаго. Все это оборудовалъ очень ловко Барановъ. Кроме Ковалика и Войноральскаго, собирались бѣжать: Волховской, Тихомировъ, Гарушинъ, Шишко и кн. Кропоткинъ.

Въ одну изъ ночей, когда на галлеряхъ дежурили Барановъ и Ивановъ, Войноральскій отперъ поддѣланнымъ ключемъ свою камеру, посткрывалъ камеры товарищей, перечисленныхъ выше, и вся компанія направилась къ завѣтному окну. Его уже открыли и уже стали укрѣплять веревки изъ полосъ простыни за перила галлерій, но вдругъ старшій надзиратель, Ефимовъ, угощенный снотворнымъ снадобьемъ, спавшій на своей площадкѣ, неожиданно проснулся. Бѣглецамъ, при помощи Баранова и Иванова, удалось кое-какъ урезонить его не поднимать тревоги, причемъ за молчаніе ему было обѣщано 500 руб., но дѣло сорвалось. Всѣ бѣглецы должны были возвратиться въ свои камеры, и Ефимовъ собственноручно заперъ ихъ, но почему-то позабылъ отобрать поддѣльный ключъ. Вскорѣ онъ получилъ отъ жены Войноральскаго 500 руб. и уволился отъ службы въ домъ предварительнаго заключенія.

Вскорѣ ушелъ со службы и Ивановъ, но Барановъ оставался на службѣ и въ одну ночь вновь усыпилъ старшаго надзирателя и отперъ завѣтное окно. Войноральскій, у котораго оставался его поддѣльный ключъ, отперъ свою камеру и

выпустилъ на галерею Ковалика. Они благополучно пробрались къ окну, и Коваликъ уже спустился на панель улицы, зашелъ за уголь и сталъ поджидать товарища.

Спустился и Войноральскій, но въ тотъ моментъ, когда его фигура скользнула по веревкѣ вдоль стѣны, изъ-за угла выѣхала извозчичья пролетка, на которой ѣхалъ съ вечеринки подвыпившій офицеръ Чечулинъ. Онъ поднялъ тревогу и сталъ звать городского. Войноральскій прыгнулъ съ полуторасаженной высоты на панель и повредилъ себѣ ногу. Тѣмъ не менѣе, онъ соединился съ Коваликомъ, и оба они бросились бѣжать, но были настигнуты городскими. Чечулинъ, къ своему ужасу, въ одномъ изъ бѣглецовъ узналъ Войноральскаго, съ которымъ былъ знакомъ и даже друженъ. Войноральскаго и Ковалика вскорѣ перевели въ Петропавловскую крѣпость.

Два надзирателя, Ерофеевъ и Мельниковъ, заподозрѣнные въ участіи въ побѣгѣ, были арестованы, но, вслѣдствіе недостаточности уликъ, были освобождены. Барановъ оказался выше подозрѣній и остался цѣлъ и невредимъ, но, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, перевелся въ отдѣленіе для уголовныхъ преступниковъ.

Говоря про побѣги, нельзя не упомянуть про неудачную попытку Феликса Волховскаго. Арестованный, какъ извѣстно, въ Одессѣ, онъ былъ отправленъ въ московскій тюремный замокъ, гдѣ содержался нѣсколько мѣсяцевъ. 21 ноября 1874 года Волховскій, по собственной просьбѣ, былъ вызванъ въ жандармское управленіе для дачи какихъ-то показаній. На возвратномъ пути онъ засыпалъ нюхательнымъ табакомъ глаза сопровождавшему его жандарму и пустился бѣжать, но тутъ же былъ задержанъ городскимъ и

жандармомъ, которые настigli его и повалили на землю.

Въ этотъ моментъ къ мѣсту свалки подле- тѣль на рысакѣ отставной коллежскій регистра- торъ Всеволодъ Лопатинъ, выскочилъ изъ саней, оттолкнулъ городского и жандарма и освободилъ Волховскаго. По условію послѣдній долженъ былъ вскочить въ сани, но Волховскій, повиди- мому, растерялся и сталъ убѣгать пѣшкомъ, въ сани же вскочилъ только одинъ Лопатинъ. Впро- чемъ, и бѣглець, и его пособникъ были тутъ же арестованы. Вскорѣ Волховскаго препроводили въ Петербургъ и помѣстили въ домъ предвари- тельнаго заключенія.

Въ 1876 году число заключенныхъ въ этомъ домѣ снова увеличилось. Тамъ были помѣщены участники первой политической демонстраціи въ Россіи, имѣвшей мѣсто 6 декабря 1876 г. въ Петербургѣ. Хотя они и были арестованы позже пропагандистовъ, но слѣдствіе по ихъ дѣлу про- изводилось усиленнымъ темпомъ, и уже 25 янва- ря 1877 г. участники демонстраціи были пригово- рены, кто къ 15, кто къ 16 годамъ каторги. Въ ожиданіи перевода въ Литовскій замокъ для от- правки въ Сибирь они оставались въ домѣ предварительнаго заключенія, гдѣ лѣтомъ 1877 г. и разыгралась такъ называемая Боголюбовская исторія.

Къ этому времени «старожилы» «предварил- ки», просидѣвшіе здѣсь цѣлые годы, рѣшили не подчиняться болѣе арестантской инструкціи. Къ разговорамъ при помощи перестукиваній присо- единились такъ называемые «клубы». Сущность этого чисто-арестантскаго изобрѣтенія заклю- чалась въ слѣдующемъ: съ шестого этажа до перваго по всему зданію были устроены трубы, въ которыя вливались колѣна стульчаковъ, имѣ- ющихся въ каждой камерѣ. Кто-то сдѣлалъ от-

крытіе, что если открыть крышку стульчака и промыть его раковину водою, то по трубамъ могутъ великолѣбно переговариваться другъ съ другомъ каждыя 12 камеръ. Группы, сообщающіяся между собою при помощи трубъ, и получили названіе «клубовъ». Несмотря на то, что учрежденіе «клубовъ» было крупнѣйшимъ нарушеніемъ тюремныхъ правилъ, но начальство не могло бороться съ этимъ зломъ и махнуло на него рукою. Совѣщанія по «клубамъ» происходили безпрепятственно, въ особенности по вечерамъ, когда надзиратели ослабѣвали въ своей бдительности, одолеваемые сномъ и скукой.

Второе, не менѣе крупное нарушеніе инструкціи состояло въ томъ, что заключенные поотвинчивали тяжелыя желѣзныя оконныя рамы и снимали ихъ долой. Это давало возможность арестованнымъ разговаривать другъ съ другомъ, сидя на подоконникахъ, видѣть другъ друга, слушать пѣніе и т. д.

Заключенные, открывъ окна, позаводили «коней», т. е. попроводи́ли изъ окна въ окно шнурки, при помощи которыхъ можно было передавать другъ другу рѣшительно все: и записки, и книги, и угощеніе, и одежду. Начальство ревностно боролось съ «конями», посылало сторожей съ огромными пожарными лѣстницами и крючками обрывать «коней», но на ихъ мѣсто появлялись новые.

Для прогулокъ арестованныхъ, содержащихся въ одиночныхъ камерахъ, было устроено слѣдующее приспособленіе. По серединѣ двора, представлявшаго собою неправильный многоугольникъ, была построена невысокая башня, отъ которой, какъ отъ центра, шли по радіусамъ перегородки, числомъ девять, образующія девять своеобразныхъ камеръ, узкихъ въ одномъ концѣ и расширявшихся въ противоположномъ. Крышѣ

эти камеры не имѣли и служили, какъ бы двориками, въ которыхъ совершали свои ежедневныя прогулки заключенные, изолированныя и совершенно не видя другъ друга. На башнѣ помѣщался надзиратель, наблюдавшій за гуляющими.

Заключенные долго повиновались безъ ропота правиламъ, установленнымъ для прогулокъ, но лѣтомъ 1877 г. стали перелѣзать черезъ перегородки и гулять вмѣстѣ. Надзиратель, стоявшій на башенкѣ, не могъ сладить съ 9 людьми, начальство же какъ будто примирилось съ этимъ зломъ.

Дѣло шло довольно мирно, пока управляющимъ домою предварительнаго заключенія былъ полковникъ Федоровъ, человекъ, довольно добродушный, но лѣтомъ онъ уѣхалъ въ отпускъ, и его замѣстилъ полицейскій чиновникъ Куряевъ, который счелъ нужнымъ доложить обо всѣхъ нарушеніяхъ инструкціи градоначальнику Трепову, состоявшему главнымъ начальникомъ «предварилки».

И вотъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 г., утромъ, въ тюремный дворъ явился въ сопровожденіи Куряева и надзирателей самъ Треповъ, въ сѣромъ генеральскомъ пальто на распашку. Въ этотъ моментъ всѣ девять человекъ, гулявшіе въ загонѣхъ, уже успѣли перебраться черезъ рѣшетку во дворъ, за исключеніемъ одного Кадьяна, какъ разъ перелѣзавшаго черезъ рѣшетку. Остальные заключенные сидѣли въ камерахъ на своихъ подоконникахъ и смотрѣли во дворъ.

Въ числѣ гулявшихъ былъ упомянутый выше участникъ демонстраціи на Казанской площади Боголюбовъ, къ которому вдругъ повернулся Треповъ съ крикомъ: «Ты какъ смѣешь стоять предо мною въ шапкѣ!» Не успѣлъ Боголюбовъ опомниться отъ совершенно неожиданнаго наско-

ка, какъ Треповъ, съ крикомъ: «Шапку долой!», размахнулся правою рукою и сбросилъ у него шапку.

Сидѣвшіе въ это время на подоконникахъ заключенные видѣли эту сцену, и имъ показалось, что Треповъ ударилъ Боголюбова. Какъ по командѣ, изъ всѣхъ оконъ раздался крикъ: «Палачь! мерзавецъ Треповъ! Вонъ, подлець!» Поднялся невообразимый крикъ. Треповъ стоялъ во дворѣ и безсильно металъ злобные взгляды на всѣ шесть этажей «предварилки», и, когда шумъ нѣсколько стихъ, крикнулъ Курнѣеву, указывая на Боголюбова: «Увезти его и выпороть!»

Два надзирателя подхватили и увели Боголюбова. Вслѣдъ за ними удалился и Треповъ съ Курнѣевымъ, въ «предварилкѣ» же поднялся настоящий адъ. Около 300 человекъ, сидѣвшихъ въ одиночныхъ камерахъ, стали бить въ двери, обитыя желѣзомъ, тяжелыми рамами. Черезъ полчаса во дворѣ явился вновь Курнѣевъ и объявилъ, что Боголюбова выпороли. Ему дѣйствительно дали 13 розогъ. Послѣ этого извѣстія поднялся новый взрывъ неистовствъ. Всѣ кричали, били оловянной посудой въ желѣзные подоконники, ломали все, что только могло быть исковеркано и изломано въ камерахъ.

Треповъ послалъ отрядъ городовыхъ, подъ предводительствомъ помощниковъ домовъ предварительнаго заключенія, Куриленко, Кутайсова и Константиновскаго, усмирять заключенныхъ.

Гдѣ только раздавался стукъ въ то время, какъ проходилъ мимо отрядъ, та камера отпиралась, и туда врывались городовые. Начиналось битье и топтанье ногами заключеннаго, послѣ чего избитаго выволакивали изъ камеры и тащили въ карцеръ. Многіе заключенные, какъ Ковалевъ, Волховскій и кн. Циціановъ, были избиты до полусмерти.

Въ этотъ день у Говорухи-Отрока было назначено свиданіе съ Михайловскимъ, у Тихомирова съ Софьей Перовской, числившейся тогда его г-вѣстой. Пришедшіе въ этотъ день не были допущены, но, стоя на улицѣ, они слышали крикъ, стукъ, гулъ и распространили по городу извѣстіе о бунтѣ въ «предварилкѣ».

Вечеромъ заключенные откомандировали къ начальству Синегуба съ требованіемъ освободить товарищей изъ карцеровъ, если не всѣхъ, то хоть больныхъ, а остальныхъ дозволить накормить и напоить. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Ковалеву и кн. Циціанову оказана медицинская помощь, и они помѣщены въ лазаретъ, Велховской же и другіе избитые уже водворены въ свои камеры.

На другой день съ утра въ тюрьмѣ опять поднялись шумъ и гамъ, но вскорѣ заключенные получили записку отъ «отца Митрофана» (Муравскаго), предлагавшаго перестать бить «неодушевленные предметы» и постараться бить «предметы одушевленные», начавъ съ Трепова и кончивъ помощниками управляющаго. Съ этой цѣлью надо успокоиться на недѣлку, когда же все войдетъ въ обычную норму, нѣсколько человекъ напишутъ заявленіе градоначальнику о необходимости улучшенія пищи или о разрѣшеніи имѣть инструменты для занятій въ камерѣ ремесломъ. Такъ какъ послѣ такихъ заявленій въ домъ предварительнаго заключенія являлся обыкновенно самъ Треповъ и заходилъ въ камеру просителя для выслушиванія личныхъ объясненій, то было рѣшено, что первый человекъ, къ которому зайдетъ градоначальникъ, долженъ неожиданно кинуться на Трепова и чѣмъ попало исковеркать ему фізіономію.

Тюрьма скоро успокоилась. Впрочемъ, Боголюбовская исторія надѣлала много шума въ Петербургѣ, и по этому дѣлу было назначено слѣдствіе, порученное слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, Книриму, но оно было вскорѣ прекращено. Только выстрѣлъ Вѣры Засуличъ заставилъ общество обратить вниманіе на это дѣло.

III.

Процессъ «50-ти».—Обвиненіе.—Заявленіе Барянова и Ковалева. — Дѣленіе подсудимыхъ на группы. — Показанія Скворцовой.—Отставной солдатъ Матвѣевъ.—Извѣщаніе прокурора Жукова.

Хотя лица, принадлежавшія къ такъ называемому Морозовымъ «великому обществу пропаганды», были переловлены и посажены въ тюрьмы раньше членовъ всероссійской организаціи, но судъ надъ послѣдними, или такъ называемое дѣло «50», происходилъ раньше, чѣмъ судъ надъ первыми (дѣло «193-хъ»).

Составъ суда по дѣлу «50-ти» былъ тотъ же, что и по дѣлу о демонстраціи на Казанской площади. Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій, сенаторъ К. К. Петерсъ, въ составъ присутствія входили: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, Д. Д. Нееловъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ, черниговскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Нелюевъ, выпшневолоцкій уѣздный маіоръ П. И. Сназинъ-Тормасовъ, псковскій городской голова Сутгофъ и волостной старшина. Обвинялъ исправляющій должность товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента К. Н. Жуковъ. Защищали подсудимыхъ присяжные повѣренные: Бардовскій, Боровиковскій, Борщовъ, Вейдеховскій, Герардъ, Гернгроссъ, Зубаревъ, Коршъ, Люстигъ, Печаевъ,

Ольхинъ, Полежаевъ, Спасовичъ, Хартулари и Шванебахъ.

Разсмотрѣніе дѣла продолжалось ровно три недѣли, съ 21-го февраля по 14-е марта.

Мы не будемъ излагать содержанія обвинительнаго акта, сущность котораго сводится къ изложенію исторіи всероссійской организаціи и ея отдѣленій въ Иваново-Вознесенскѣ, Тульѣ, Кіевѣ.

Центральными фигурами процесса явились: Джабадари, Здановичъ, Чекоидзе, Кардашевъ, Вѣра Любатовичъ и князь Циціановъ, обвиняемые въ томъ, что составили и принимали участіе въ противузаконномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлю въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, а также въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлю возбудить къ бунту или явному неповиновенію верховной власти. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ обвинялись, кромѣ того, въ покушеніи на жизнь прапорщика Ловягина и помощника квартальнаго надзирателя Федорова.

Студентъ медико-хирургической академіи, Иванъ Рождественскій, отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Левъ Ивановъ, потомственный почетный гражданинъ Григорій Сбромірскій и бывшіе студенты Петровской земледѣльческой академіи Александръ Бѣляевскій и Александръ Трубецкой обвинялись въ томъ, что, хотя и не принадлежали къ числу членовъ преступнаго сообщества, но получали отъ членовъ этого сообщества и распространяли книги, имѣвшія цѣлю возбужденіе къ явному неповиновенію верховной власти.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, рабоче Бариновъ и Ковалевъ, показанія которыхъ сослужили въ свое время столь большую службу

жандармскому управленію, сдѣлали такія заявленія: Бариновъ—«Прошу покорнѣйше считать мое показаніе неправильнымъ»; Ковалевъ—«Мои доказательства есть ложь. Я объявляю это раньше».

На вопросъ о виновности почти всѣ подсудимые отвѣтили отрицательно. Александрова сказала: «Цѣль моей поѣздки въ Иваново-Вознесенскъ была вести пропаганду. Насколько же сдѣлано на практикѣ, будетъ видно изъ показаній свидѣтелей». Бардина сказала: «По поводу моей дѣятельности никакихъ объясненій давать не желаю». Кн. Циціановъ сказалъ: «Выстрѣлы были сдѣланы, но личною Ловягина я вовсе не занимался, умысла убить его не имѣлъ, но извѣстныя обстоятельства вызвали меня на выстрѣлъ. Въ обвинительномъ актѣ выражено, что я будто бы показалъ, что имѣлъ цѣлью убить. Я вовсе не такъ показалъ. На вопросъ, съ какою цѣлью я стрѣлялъ, я сказалъ: съ какой обыкновенно стрѣляютъ, чтобы попасть въ цѣль, но я предумышленной цѣли не имѣлъ».

Вѣра Любатовичъ въ отвѣтъ на вопросъ, признаетъ-ли себя виновною въ томъ, что душила Федорова съ цѣлью лишить его жизни, разразилась смѣхомъ и сказала: «Нѣтъ, не признаю! Когда пять человекъ бросились на Циціанова и могли его убить, я бросилась, чтобы его не задушили».

Ковалевъ попытался сдѣлать еще одно заявленіе и сказалъ: «Я не нахожу возможнымъ, чтобы меня включили въ число этихъ лицъ. Я глупъ, а они не настолько глупы, чтобы со мною знакомиться. Я платилъ оброкъ и находился на работѣ. Довольно будетъ, что я просидѣлъ полтора года въ одиночномъ заключеніи...» Тутъ первоприсутствующій остановилъ Ковалева, замѣтивъ, что онъ будетъ имѣть возможность сдѣлать свои

заявленія вполсѣдствіи. Затѣмъ первоприсутствующій объявилъ, что въ виду многосложности дѣла особое присутствіе нашло нужнымъ распредѣлить подсудимыхъ на четыре группы: 1) обвиняемые въ распространеніи преступныхъ книгъ между рабочими на московскихъ фабрикахъ (17 человекъ), 2) обвиняемые въ такомъ же распространеніи въ Иваново-Вознесенскѣ (11 человекъ), 3) обвиняемые въ агитаціи въ Кіевѣ и Тулѣ (17 человекъ) и 4) остальные обвиняемые.

По ходатайству защиты особое присутствіе разрѣшило оставаться всеѣмъ подсудимымъ при производствѣ слѣдствія по отдѣльнымъ группамъ. При этомъ первоприсутствующій обратился къ обвиняемымъ съ внушеніемъ, что они не должны вести себя такъ, какъ вели до настоящаго времени, то-есть не затруднять суда неумѣстными замѣчаніями.

Тутъ было приступлено къ производству слѣдствія по первой группѣ, куда были отнесены, прежде всего, девять лицъ, задержанныхъ въ домѣ Корсакъ. Рабочій Яковлевъ увѣрялъ, что Васильевъ убѣждалъ его: «Ты согласишься пятокъ приготовить, я тоже пятокъ готовлю, и такимъ манеромъ соберутся 4,000, а за границей уже все готовы... Нужно сдѣлать бунтъ, чтобы всякій свой хлѣбъ ѣлъ и чтобы чужой трудъ не съѣдали...» Послѣ этого свидѣтель заявилъ обо всемъ жандармскому управленію, представилъ двѣ книжки, полученныя отъ Васильева, и сказалъ, что условился встрѣтиться съ нимъ въ трактирѣ, куда и отправили вмѣстѣ съ нимъ сыщиковъ и переодѣтыхъ жандармовъ.

Весьма обстоятельно рассказала про свое знакомство съ пропагандистами сожительница Васильева, Дарья Скворцова. Она рассказала, какъ однажды къ нимъ пришелъ Петръ Алексѣевъ,

пріѣхавшій только-что изъ Петербурга, вызвалъ Васильева и пошелъ съ нимъ въ трактиръ, что стало повторяться съ тѣхъ поръ ежедневно. Дарьѣ надоѣло это, и однажды она отправилась за Васильевымъ въ трактиръ и позвала его домой. Онъ пошелъ. «Что это вы прежде не ходили, а теперь стали ходить?», спросила Васильева сожительница, на что онъ отвѣтилъ: «Ты ничего не знаешь». Затѣмъ Скворцова познакомилась и съ остальными пропагандистами: семью женщинами и однимъ мужчиною, стирала имъ бѣлье, но затѣмъ они стали ее остерегаться, больше къ себѣ на квартиру не пускали, а затѣмъ и переехали куда-то, но она разыскала ихъ и, когда Васильева забрали, указала ихъ квартиру жандармамъ.

Далѣе, допрашивался рядъ свидѣтелей, служащихъ и рабочихъ фабрикъ, на которыхъ работали: Бардина, Ольга Любатовичъ, Бетти Каминская, и прочитанъ былъ протоколъ обыска, произведеннаго въ домъ Корсакъ, гдѣ, какъ извѣстно, были арестованы: Бардина, Каминская, Алексѣевъ, Джабадари, Чекоидзе, Георгіевскій, Лукашевичъ, Агаповъ и Николаевъ.

Слѣдствіе по второй группѣ было открыто чтеніемъ протокола обыска въ домъ Кисина, гдѣ въ числѣ прочихъ пропагандистовъ былъ арестованъ рабочій Агаповъ, отпавившійся въ Иваново-Вознесенскъ, послѣ того, какъ его освободили изъ-подъ ареста, послѣ задержанія въ домъ Корсакъ. На вопросъ первоприсутствующаго онъ объяснилъ, что послѣ освобожденія изъ-подъ стражи отправился въ Иваново-Вознесенскъ на пропаганду, знакомился тамъ съ рабочими, читалъ имъ книги, иногда съ Александровымъ, иногда одинъ. Александровъ сказалъ, что ничего не желаетъ говорить: «Я не отрицаю, что распространялъ революціонныя идеи посредствомъ устной

пропаганды и книгъ, но не желаю давать объясненій, такъ какъ дѣйствовалъ по своему убѣжденію».

Показанія свидѣтелей, уличавшихъ обвиняемыхъ этой группы, обыкновенно читались. Были оглашены письма и записки, захваченныя во время обыска въ домъ Кисипа, которыя, какъ извѣстно, послужили главнымъ матеріаломъ для обвиненія не только Иваново-Вознесенской, но и другихъ группъ.

Свидѣтели третьей группы показали, что въ Туль, подъ именемъ Махоткиной, проживала Ольга Любатовичъ съ рабочими Иваномъ и Николаемъ Едуковымъ, ее часто посѣщали Сидорацкій и Фетисовъ, которые и были арестованы въ ея квартирѣ. Свидѣтельскими показаніями были выяснены любопытныя подробности относительно рабочаго Ковалева, выдававшаго жандармамъ тульскихъ пропагандистовъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ отставнымъ рядовымъ Матвѣевымъ у крестьянки Алифановой, днемъ ходилъ на работу, а вечеромъ приносилъ книжки. Принесъ одну и заставилъ Матвѣева читать. Пропаганда не удалась, и, въ концѣ-концовъ, Матвѣевъ не только поколебалъ убѣжденія Ковалева, но даже убѣдилъ его пойти къ приставу и донести на пропагандистовъ. Онъ увѣрялъ его, что ему за это дадутъ и нѣсколько тысячъ денегъ, и чиновъ. Ковалевъ просилъ Матвѣева найти ему человѣка написать прошеніе, но онъ объяснилъ ему, что это лишнее, что можно объяснить все и на словахъ.

Въ возраженіе на показанія свидѣтелей Ковалевъ разсказалъ, что онъ первоначально пріѣхалъ изъ деревни въ Кіевъ и нанялся тамъ на сахарный заводъ по контракту, на 6 мѣс., и получилъ 15 руб. задатка, но ему тамъ не понравилось, и онъ попросилъ у директора расчетъ. Тотъ при-

грозишь, что представить его мировому судья. Тогда Ковалевъ бросилъ свой паспортъ, купилъ подложный и съ Герасимомъ поѣхалъ въ Тулу, гдѣ познакомился съ Любатовичъ. Петръ Сидоренко далъ ему двѣ книги, которыя онъ показалъ Матвѣеву. Тотъ убѣдилъ его заявить въ часть. Приставъ познакомилъ его съ генераломъ и прокуроромъ. «Тогда начались допросы,—продолжалъ Ковалевъ,—я дѣйствительно всѣхъ не могъ знать лично. Видѣть, видалъ на подобіе этихъ личностей, но всѣхъ не зналъ. Потомъ повезли меня въ Кіевъ, посадили въ тюремный замокъ. Я хотѣлъ объяснить высшему начальству, но я сидѣлъ подъ замкомъ. Миѣ разныя грубости приносили за то, что я хотѣлъ разъяснить. Меня сажали такъ, что не было звука, никакого зрѣнія».

Дальнѣйшій допросъ свидѣтелей и чтеніе документовъ по дѣлу не выяснили ничего новаго. Въ своей рѣчи тов. прокур. указалъ, что, со времени учрежденія особаго присутствія для сужденія политическихъ дѣлъ, предъ правительствующимъ сенатомъ не мало проходило дѣлъ, по которымъ разныя лица обвинялись въ совершеніи государственныхъ преступленій. Особому присутствію пришлось разрѣшить дѣло о первой попыткѣ организовать сообщество съ цѣлью идти «въ народъ» и распространять въ немъ революціонныя идеи путемъ раздачи книгъ возмутительнаго содержанія,—это дѣло Долгушина и его сообщниковъ. Затѣмъ, по остальнымъ дѣламъ обвинялись одно, два, три лица, и дѣла эти не имѣли между собой прямой, непосредственной связи. Они не давали возможности опредѣлить, въ чемъ именно, заключается пропаганда, гдѣ она черпала силы, откуда и какъ шла и какими средствами располагала.

«Въ 1874, а затѣмъ въ 1875 г., возникли

два большихъ дѣла, обратившія на себя вниманіе всего общества. Если къ прежнимъ отдѣльнымъ проявленіямъ пропаганды общество наше относилось равнодушно, то дознанія 1874 и 1875 гг. не могутъ не обратить на себя особаго вниманія общества, потому что они наглядно доказываютъ, что среди русскаго общества есть не мало людей, стремящихся, путемъ распространенія среди рабочаго люда имперіи революціонныхъ идей, поднять народъ, возбудить его къ бунту. Понятно, что общество не можетъ отнестись безучастно къ подобному явленію.

«Особому присутствію сената въ настоящее время предстоитъ разрѣшить второе изъ этихъ дѣлъ,—дѣло, возникшее въ Москвѣ въ 1875 г. Какъ ни великъ, какъ ни важенъ для оцѣнки значенія преступной пропаганды матеріаль, доставленный настоящимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе, правильные и точные по сему предмету выводы могутъ быть сдѣланы только тогда, когда особое присутствіе ознакомится съ другимъ, возникшимъ въ 1874 г. дѣломъ. Лишь изъ сопоставленія этихъ двухъ дѣлъ получится достаточно полное представленіе о томъ, какое общественное значеніе имѣютъ явленія, о которыхъ идетъ рѣчь.»

IV.

Изъ рѣчи Спасовича. — Критика революціонной литературы. — Дѣятельность пропагандистовъ и уголовный кодексъ. — Старая и молодая Россія. — Рѣчи Бардиной. —

Рѣчи защитниковъ по дѣлу «50-ти» открылъ В. Д. Спасовичъ. Знаменитый адвокат отмѣтилъ, что его задача не изъ легкихъ: необходимо взвѣшивать каждое слово, такъ какъ, не доскажешь — не хорошо защитишь кліента, скажешь лишнее, вступишься теплымъ словомъ за обвиняемыхъ, — посягнешь на основы церкви, общества, государства, семьи и доброй нравственности. «Когда судится убійство или кража, — говорилъ Спасовичъ, — никто не вздумаетъ заподозрить въ защитѣ единомышленника, хотя бы онъ съ трогательною до глубины души красотою отстаивалъ кліента, но есть много людей, которые по преступленіямъ политическимъ готовы корить защитника за всякое теплое слово, сказанное въ пользу этихъ гибкихъ молодыхъ силъ, до того сильно предубѣжденіе, которое, отвергая и осуждая ихъ гуртомъ, видитъ въ нихъ либо сумасшедшихъ, либо отъявленныхъ враговъ всякаго общежитія, разрушающихъ основы общества и государства».

Далѣе слѣдовало обращеніе по адресу судей, заявленіе, что подъ ихъ эгидою и на ихъ глазахъ защитники не могутъ опасаться подобнаго смѣшенія съ подсудимыми, отъ которыхъ от-

дѣляетъ ихъ возрастъ, общественное положеніе, иной образъ мыслей, иныя идеи, нравы.

Спасовичъ защищалъ Вѣру Любатовичъ, Джабадари и Георгіевскаго, но въ его рѣчи самая интересная—общая часть. Въ ней онъ подвергъ, между прочимъ, критикѣ революціонную литературу, за распространеніе которой привлекались къ отвѣтственности пропагандисты.

«Разборъ этотъ,—говорилъ Спасовичъ,—представляетъ нѣкоторыя особенныя затрудненія, изъ которыхъ первое заключается въ томъ, что трудно критиковать то, что составляетъ само по себѣ секретъ и что само, своимъ невѣдомымъ для публики, но распространеннымъ въ народѣ содержаніемъ защищаться не можетъ. Такія критики обыкновенно расходятся съ цѣлью и приводятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, то-есть критику послушаютъ, а думаютъ: «въ книгѣ-то побольше, чѣмъ въ критикахъ», однимъ словомъ, въ самомъ безобразномъ сочиненіи предполагается существованіе той доли истины, которая кроется и въ самомъ сильномъ заблужденіи.

«Мнѣ кажется, что изъ этой массы книгъ надобно выбирать не отдѣльныя зажигательныя фразы, которыя, отторгнутыя отъ цѣлаго и безъ связи съ нимъ, ничего не доказываютъ и ничего не выражаютъ, но тѣ произведенія, которыя содержатъ въ себѣ самую соль, самую суть ученія, которыя могутъ служить мѣриломъ и показателемъ идей. Такихъ книгъ я нахожу двѣ: «Хитрую механику» и «Сказку о 4-хъ братьяхъ», которую нѣкоторые изъ пропагандистовъ неразвитыхъ знали наизусть. Въ этихъ произведеніяхъ обращаетъ, прежде всего, вниманіе ихъ несерьезная, сказочная форма. Я не слышалъ, чтобы какое-нибудь воззваніе къ бунту было въ формѣ сказки. Сказка, новелла, басня—все равно, что орѣхъ

въ своей скорлупѣ: сначала раскуси, наматай на усъ, поразмысли и тогда пойми... Въ скорлупѣ спидить и мораль. Мораль эта: критика настоящаго, чаяніе будущаго или идеаль.

«Идеаль этотъ политическаго свойства: не будетъ ни моего, ни твоего, а все братское, чтобы всѣ трудились по своей силушкѣ, а брали, сколько надобно, безъ излишества; когда все братское, то не можетъ быть барыша, а не будетъ барыша, нѣтъ надобности копить, а нѣтъ накопленія, и воровъ не будетъ. Хитрой механики мы не заведемъ, но и никакой механики не предлагаемъ: настоящая фраза пропаганды тѣмъ и замѣчательна, что, въ неопредѣленной дали открывая виды на коммунистическій рай, изображая нѣчто въ родѣ золотого сна, она воздерживается отъ всего догматическаго, не предлагаетъ ни фаланстера, ни коммуны, ни какихъ бы то ни было построений, ни окончательныхъ, ни переходныхъ. На первый планъ вмѣсто всякихъ утопій она выдвигаетъ критику и одну только критику всего существующаго съ коммунистической точки зрѣнія: совѣсть у богатаго, что сталь закаленная: законъ такъ устроенъ, что сильный можетъ все сдѣлать, а слабый долженъ молчать—нѣтъ мѣста для бѣднаго, всѣ мѣста міроѣдами заняты.

«Критика и одна критика ѣдкая и сильная идетъ по всѣмъ направленіямъ отъ міра мужицкаго и фабричнаго до вершинъ общества и государства, возбуждая общее неопредѣленное неудовольствіе настоящимъ, которое, потому, что оно общее, что оно направлено въ одинаковой степени и противъ собственности, и противъ фабрикантовъ, и противъ священниковъ, и противъ міроѣдовъ, и противъ правительства—дѣлается менѣе интенсивнымъ, а болѣе экстенсивнымъ, и захватываетъ въ ширь, но не захватываетъ въ

глубину. Оно слишкомъ широкое, чтобы можно было предположить, что оно то, что предполагаетъ, произведетъ, что оно сдвинетъ горные хребты и выровняетъ моря общественнаго устройства.

«Что бы вы сказали на цѣлый муравейникъ, который бы задался мыслью разрушить Монбланъ? Оно, конечно, возможно, но въ продолженіе безконечно долгаго времени и безконечно великаго числа рабочихъ единицъ. Произвести политическую революцію легче, надобно только приударить на правительство, но социальную куда какъ труднѣе, а объ вмѣстѣ даже невозможно. Вотъ почему социальные революціонеры, подводя свои мины подъ общество, стараются быть легалистами, быть строгими законниками и жить въ ладахъ съ правительствомъ».

Исходя изъ такихъ соображеній, Спасовичъ утверждалъ, что, такъ какъ пропагандисты выступали, главнымъ образомъ, противъ социальнаго строя и только отчасти ратовали за политическій переворотъ, то ихъ нельзя преслѣдовать за воззваніе къ бунту, къ насильственному перевороту въ близкомъ, опредѣленномъ будущемъ и настаивать на томъ, что ихъ дѣянія должны быть наказуемы, какъ оспариваніе началъ собственности и семейнаго союза, какъ воззваніе, вооружающее одну часть населенія противъ другой, колеблющее довѣріе къ дѣйствующимъ законамъ.

«Если бы я былъ судья,—говорилъ Спасовичъ,—я не затруднился бы подвести дѣянія пропагандистовъ подъ одно изъ этихъ понятій... Меня не остановило бы то, что за эти преступленія, совершенныя посредствомъ гуттенбергова изобрѣтенія, полагаются сравнительно малыя, хотя и очень чувствительныя наказанія: смиренный домъ. Они малы, по мнѣ кажется, были бы вполне достаточны. Репрессивность наказаній

всего сильнѣе обезпечивается умѣренностью ихъ, строгимъ соотвѣтствіемъ ихъ съ виною. Кромѣ того, не надо забывать, что собственность, религія, семья—это установленія самостоятельныя, которыя хотя государство и обязано охранять отъ посягательства извнѣ, но охраною, не переходящею границъ строгой необходимости. Государство находится въ союзѣ, но не сливается ни съ однимъ изъ этихъ установленій, они сами должны давать отпоръ. Когда они охраняются только государствомъ и посредствомъ такихъ иѣръ, какими государство охраняетъ собственное свое бытѣе, то они сами теряютъ свою самостоятельность, дѣлаются, такъ сказать, понятіями казенными, и вокругъ нихъ вслѣдствіе строгостей образуется искусственная тишина: никто ихъ не защищаетъ, потому что оспаривать ихъ небезопасно и, не оспариваемыя явно,—они только подтачиваются незамѣтно маленькими червячками въ родѣ брошюръ, которыя выложены на столѣ и которыхъ дѣйствіе, по моему мнѣнію, было бы гораздо менѣе опасно, если бы онѣ были напечатаны въ газетахъ».

Вслѣдъ затѣмъ знаменитый юристъ отмѣтилъ, что при опредѣленіи наказанія за производство пропаганды нужно точно установить, какія, именно, книжки распространялъ каждый изъ обвиняемыхъ, такъ какъ «нельзя же взваливать на челоуѣка всѣ произведенія подпольной печати, когда онъ распространялъ только нѣкоторыя, а иныхъ, можетъ быть, и чурался, ненавидя ихъ и боясь, какъ ненавидѣлъ Вольтеръ Руссо, какъ всякій революціонеръ, но—самый крайній, всякій постепеновецъ боится и противодействуетъ тѣмъ, которые его перещеголяли. Подъ боевымъ перекрестнымъ огнемъ суда всѣ тѣ лица, которыя привлечены за пропаганду, сплотились и стоятъ однимъ фронтомъ, но, какъ въ церкви

нѣтъ двухъ лицъ, которыя имѣли бы одинаковыя понятія о Богѣ, такъ и въ этомъ отрядѣ нѣтъ двухъ людей, одинаково понимающихъ свои цѣли, средства и задачи... Всякая революціонная организація тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ, что въ ней, какъ въ ковчегѣ Ноя, существуютъ и взаимно себѣ помогаютъ всякія животныя рядомъ съ человѣкомъ, который говоритъ: «бунтовать, убивать, стрѣлять можетъ лишь человѣкъ, который по принципу не способенъ убить даже муху...» Если какой-либо революціонеръ идетъ въ народъ, дабы изучать его и поднять въ немъ культуру образовательными дѣйствіями, то смѣшивать его съ сорвиголовую и вертопрахомъ, которому бы только зажечь пламя и любоваться, какъ оно красиво, было бы явно вопіющею несправедливостью. Надобно различать пропаганду и пропаганду, вникать, какія книги раздавались, какія рѣчи произносились».

Спасовичъ закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ:

«Въ заключеніе, я позволю себѣ высказать нѣсколько общихъ соображеній, которыя, по моему убѣжденію, должны бы васъ расположить быть мягкими, снисходительными въ отношеніи ко всѣмъ моимъ кліентамъ, какъ и ко всѣмъ, вообще, подсудимымъ по дѣлу 21 февраля. По обвинительному акту подсудимыхъ 50, изъ нихъ какъ разъ $\frac{1}{3}$ женщинъ и $\frac{2}{3}$ мужчинъ, изъ подсудимыхъ болѣе 10 процентовъ несовершеннолѣтнихъ, да и, вообще, если сложимъ всѣ года подсудимыхъ, то получимъ средній выводъ 23,72, изъ чего вытекаетъ заключеніе, что судится молодое, незрѣлое поколѣніе людьми, которыхъ средній возрастъ едва-ли не вдвое болѣе...

«Разница въ возрастахъ затрудняетъ пониманіе нуждъ и потребностей, ошибокъ и стремленій,—они не всѣ могутъ быть такъ дурны, какъ

предполагають. При оцѣнкѣ не надо слишкомъ довѣряться первому впечатлѣнію, ихъ рѣзкости въ словахъ, ихъ грубости въ выраженіяхъ. Оно, вообще, грубѣе, это поколѣніе; оно выросло и сло-жилось при другихъ, нежели наше, условіяхъ. Наше поколѣніе выросло при двухъ условіяхъ: при устраненномъ потомъ волею законодателя крѣпостномъ правѣ и при полномъ отсутствіи почти всякой общественной жизни, вслѣдствіе чего кормились мы одними только отвлеченными умственными наслажденіями, воспитывались по началамъ эстетики, въ культѣ чистой красоты. Всякая односторонность вызываетъ реакцію въ совершенно противоположномъ направленіи. Такою реакціею и является позитивизмъ, презрѣніе ко всякой эстетикѣ, понятіе, что пара са-ногъ лучше поэмы Пушкина, и такая водобоязнь въ отношеніи къ идеальному, къ романическому, что аффектируется напускная грубость, чтобы не показаться сентиментальнымъ и слюпявымъ, и что, по выраженію одного письма, если бы новому дѣятелю пришлось быть въ лѣсу и заблудиться, то онъ, имѣя спички, не зажегъ бы огня, чтобы не походить на героя изъ Майнъ-Рида или Купера...

«Этой рѣзкости я не одобряю... Но у нихъ есть качества, которыхъ въ наше время недоставало: намѣренное предпочтеніе, отдаваемое черной работѣ, тяжкому труду, сознательное стремленіе посвящать себя этому труду. Стремленіе доведено до абсурда, но съ теченіемъ времени абсурдъ отойдетъ, хорошее останется, и подобный чело-вѣкъ можетъ быть употребленъ съ пользою даже государственною властью на дѣло полезное. Я есылаюсь на вашъ опытъ, на то, что бывали въ государствѣ російскомъ люди, которые въ молодости считались отчаянными и опасными революціонерами, а послѣдствіи оказали услуги, какъ люди вполне государственные.

«Наконецъ, мой послѣдній аргументъ—это чрезвычайное распространеніе въ настоящее время, если не коммунистическихъ и социалистическихъ сообществъ, то, по крайней мѣрѣ, идей, вслѣдствіе чего идетъ большая волна. На ней плаваютъ какъ будто бы крупинки, какъ будто бы щепки, ничѣмъ не выдающіеся, обычные представители безымянной Руси, какъ ее обозвалъ Тургеневъ въ своемъ романѣ «Новь».

«По дѣлу, недавно бывшему, о преступленіи 6 декабря, моимъ товарищемъ по защитѣ произнесены были слова, противъ которыхъ я протестую: что въ дѣлахъ политическихъ, происходящихъ не столько отъ испорченности сердца, сколько отъ заблужденій ума, нравственность и безнравственность не принимаются въ расчетъ, а преступленія преслѣдуются и наказываются только по относительной опасности дѣянія, по закону необходимой обороны. Я протестую противъ начала, которое повело бы къ тому, что пропаганда должна соразмѣряться съ распространеніемъ преступленія, съ чиномъ дѣйствующаго лица, и отрицаю всякое примѣненіе закона необходимой обороны.

«Какая же тутъ необходимая оборона?—гдѣ же тутъ опасность неминуемая?—гдѣ вулканъ? Фактъ распространенія имѣетъ свои причины, въ эти причины не могутъ входить ни защита, ни судъ, и защитнику, непрошенному совѣтнику, не придетъ на мысль предлагать свою политику, свои мѣры противодействія. Но защитникъ не можетъ не знать, что этотъ фактъ вызываетъ противодействіе не въ одной только формѣ уголовныхъ наказаній, что уголовныя наказанія всего менѣе успѣшны, и что, не задаваясь никакими посторонними задачами политики, судъ долженъ только, рѣшая по справедливости, отыскивать уравненіе между наказаніемъ и виною, а

по справедливости онъ можетъ уравнивать, опредѣляя величину преступленія, не измѣреніемъ волны плюсъ стоящей на ней человѣкъ, но откидывая волны и за устраненіемъ ихъ измѣряя только человѣка. Не можетъ же быть этотъ человѣкъ искупителемъ за духъ вѣка, за его неудержимыя стремленія, за все то, что увлекаетъ мимо вѣдѣнія и воли въ невѣдомую и загадочную даль. Распространеніе движенія есть въ глазахъ правосудія смягчающее вину обстоятельство. Я вѣрю, что вы это обстоятельство примете въ расчетъ и что, вообще, вы будете дѣлать различіе между подсудимыми по степени ихъ революціонности».

Кромѣ защитниковъ по процессу «50-ти», произнесли рѣчи и нѣкоторые изъ подсудимыхъ. Такъ, Софья Бардина подвергла сначала критикѣ улики, выставляемыя противъ нея обвиненіемъ, говоря:

«Я отказываюсь отъ чести принадлежать къ организаціи не изъ страха наказанія, такъ какъ противъ меня существуютъ болѣе вѣскія обвиненія, которыхъ я и сама не отрицаю, но я защищаюсь теперь потому только, что это мнѣ кажется пристрастнымъ, если не нелогичнымъ, пристрастнымъ и несправедливымъ даже съ юридической точки зрѣнія. Я съ своей точки зрѣнія ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь».

«Конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священныя основы собственности, семьи, религіи и государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія

основаны на недоразумѣннн, которое я и постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ.

«Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обеспеченную его личнымъ, производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И, скажите послѣ этого,—я-ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его труда, двѣ трети беретъ даромъ? Или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ. Мы только выставляемъ на первый планъ право рабочаго на полный продуктъ его труда. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ, обратитъ-ли его въ общую или частную собственность,—это уже его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, и что подобныя детали могутъ быть выработаны только практикой.

«Относительно семьи я также не знаю, подрываетъ-ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращается и она, и ея дѣти, тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ

благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи?

«Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ основателемъ христіанства. Кромѣ того, должна замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропагандировали что-либо относительно религіозныхъ вопросовъ, чтобы отрицали Бога и т. п. Свидѣтельница Дарья Скворцова говоритъ, на примѣръ: «Бога-то они на небесахъ признавали, только личность его не признавали», то есть относились безразлично къ нѣкоторымъ обрядамъ церкви, къ почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ничего больше говорить не буду.

«Въ подрываніи государства я столь же мало виновата. Я, вообще, думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государства не могутъ. Если государства разрушаются, то это происходитъ оттого, что они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія. Такъ, на примѣръ, древнія государства исчезли съ лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ, на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно, не способствуетъ развитію обществъ.

«Конечно, если какое-нибудь данное государство держитъ свой народъ въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ рабствѣ, если оно массой неоплатныхъ податей, капиталистической эксплуатаціей рабочаго и другими ненормальными экономическими и политическими отношеніями доводитъ его до нищеты, болѣзней, преступленій,—то, конечно, говорю я, такое государ-

ство само ведетъ себя къ гибели, но въ этомъ ужъ не виноваты единичныя личности и группы, а, слѣдовательно, не за что ожесточенно преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ случаѣ, то-есть, если государство находится въ совершенно благонадежномъ состояніи, усилія этихъ лицъ не могутъ грозить ему никакой опасностью; слѣдовательно, наказывать ихъ опять-таки не представляется надобности.

«Вотъ почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что, «конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть», но что «опасность все-таки существуетъ!...»

«Мнѣ кажется, что рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно. Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагала, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ не желательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе такъ охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція при извѣстныхъ обстоятельствахъ есть неизбежное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или групп».

Тутъ Бардину остановилъ первоприсутствующій Петерсъ, замѣтивъ, что ея разсужденія не относятся къ дѣлу, послѣ чего Бардина утверждаетъ

ла, что она принадлежит къ разряду лицъ, извѣстныхъ между молодежью подъ именемъ «мирныхъ пропагандистовъ», задача которыхъ—внести въ сознание народа идеалы лучшаго, справедливаго общественнаго строя, что, стремясь къ уничтоженію привилегій, они не думаютъ объ уничтоженіи личностей, принадлежащихъ къ этимъ классамъ, не думаютъ объ основаніи царства рабочаго сословія, которое, въ свою очередь, стало бы угнетать другія сословія.

«Да, мы, дѣйствительно, стремимся къ анархическому устройству общества,—говорила Бардина,—но дѣло въ томъ, что это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература, вовсе не означаетъ беспорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонию и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ...

Говорилъ также рабочій Алексѣевъ.

Последній изъ подсудимыхъ, рѣчь котораго сохранилась, Агаповъ, былъ кратокъ:

«Я много думалъ о средствахъ улучшенія быта рабочихъ и, наконецъ, сдѣлался пропагандистомъ. Цѣль моей пропаганды заключалась въ томъ, чтобы подготовить рабочихъ къ социальной революціи. Я отнюдь не раскаиваюсь въ своихъ поступкахъ».

Приговоръ особаго присутствія сената по дѣлу «50-ти» былъ слѣдующій: приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы: Циціановъ, Алексѣевъ и Григорій Александровъ на десять лѣтъ; Бардина, Ольга Любатовичъ, Батюшкова, Ивановъ, Васильевъ, Бариновъ, Николаевъ и Егоровъ на девять лѣтъ; Здановичъ на 6 л. и 8 мѣс.; Владиміръ Александровъ, Вѣра Любатовичъ на 6 лѣтъ; Джабадари, Гамкрелидзе, Кардашевъ, Лиція Фигнеръ, Варвара Александрова и Александра

Хоржевская на 5 лѣтъ; Агаповъ, Бѣлявскій и Ковалевъ на 3 г. 4 м.; Чекаидзе и Лукашевичъ лишены всѣхъ правъ состоянія и сосланы въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; Злобинъ, Цвилиневъ и Е. Субботина—въ Иркутскую губ.; Георгіевскій и Овчинниковъ—въ Енисейскую; Млодецкій, Н. Субботина, Воронковъ и М. Субботина—въ Томскую; Нуромскій и Елена Медвѣдева—въ Тобольскую; Топоркова приговорена къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 4 года, Гельфманъ на 2, Фетисовъ и И. Едуковъ—въ арестантскомъ отдѣленіи на 1 годъ и 3 мѣс., съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Остальные подсудимые отдѣлялись, сравнительно, болѣе мягкимъ наказаніемъ и были приговорены къ заключенію: Н. Едуковъ въ рабочемъ домѣ на 3 мѣс., Сидорацкій въ смирительномъ домѣ на 6 недѣль, Георгіевская въ тюрьмѣ на 2 мѣс., Екатерина Гамкрелидзе въ тюрьмѣ на 3 недѣли, Кураковъ приговоренъ къ аресту на 3 недѣли, Введенская и Трубецкой на 2 недѣли.

Рождественскій, Островъ и Сбромирскій были оправданы.

Такимъ образомъ, изъ 50-ти подсудимыхъ 23 были приговорены въ общей сложности къ 161 году и 8 мѣс. каторжныхъ работъ, 11 къ ссылкѣ въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, три оправданы и остальные приговорены, приблизительно, къ 12 годамъ заключенія въ различныхъ домахъ.

Процессъ «193-хъ». — Первое засѣданіе. — Инцидентъ съ Мышкинымъ. — Обвинительный актъ. — Протестъ противъ дѣленія подсудимыхъ на группы. — Заявленіе защитниковъ. — Столкновение между Потѣхинымъ и Желеховскимъ. — Разборъ дѣла и рѣчь Мышкина.

Въ октябрѣ 1877 года, наконецъ, предстали передъ судомъ особаго присутствія сената и 193 пропагандиста. Этотъ процессъ-монстръ продолжался свыше трехъ мѣсяцевъ и закончился только 23-го января 1878 года. Въ составъ присутствія входили почти всѣ тѣ же лица, что и по дѣлу «50-ти»: К. К. Петерсъ (предсѣдательствующій), М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, баронъ Медемъ, Н. О. Тизенгаузенъ, Б. Н. Хволтовъ, черниговскій губернскій предводитель дворянства Н. И. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный, П. И. Снозинъ-Тормасовъ, новгородскій городской голова Журавлевъ и волостной старшина. Обвинялъ товарищ оберъ-прокурора Желеховскій и прокуроръ екатеринбургскаго окружнаго суда Шубинъ.

Засѣданія сената происходили въ зданіи окружнаго суда, залъ котораго съ трудомъ вмѣщаль подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Подсудимыхъ пришлось размѣстить въ мѣстахъ для публики. Даже для стражи не оказалось мѣста въ залѣ, и ея пришлось распределить по нѣскольکو чело-вѣкъ между стѣнами и мѣстами для подсуд-

мыхъ. Защита ходатайствовала первымъ дѣломъ о перенесеніи засѣданій въ другую, болѣе помѣстительную залу и о разрѣшеніи имѣть собственнаго стенографа. Первое ходатайство было отклонено, второе удовлетворено. Стенографъ присутствовалъ на дѣлѣ, и впослѣдствіи даже былъ изданъ первый томъ стенографическаго отчета по дѣлу «193-хъ», но, по распоряженію комитета министровъ, это изданіе было сожжено и не поступало никогда въ продажу.

Защита сдѣлала также заявленіе, что дѣло Лопатина, обвиняемаго въ покушеніи на устройство въ Москвѣ побѣга Волховскаго, подсудно окружному суду, но сенатъ отклонилъ и это ходатайство.

Разборъ дѣла начался обычнымъ разпросомъ подсудимыхъ объ имени, званіи и т. д. Сразу же не обошлось безъ инцидентовъ. Мышкинъ на вопросъ о званіи, отвѣтилъ:

— Лишенный правъ арестантъ.

— Это не званіе, — замѣтилъ Петерсъ.

— Я такъ числюсь по бумагамъ.

— Кто вашъ отецъ?

— Солдатъ.

— Ваше занятіе?

— Занимался печатаніемъ запрещенныхъ правительствомъ книгъ.

— Ваша религія?

— Крещенъ безъ моего вѣдома по обрядамъ православной церкви и, имѣя въ виду законъ, угрожающій за отпаденіе уголовнымъ преслѣдованіемъ, официально числился въ этой же религіи.

— Гдѣ было ваше послѣднее мѣстожителство?

— Арестованъ въ сибирской тайгѣ.

Когда дошла очередь до Лопатина, то отъ сказалъ: «Такъ какъ заявленіе моего защитника о

неподсудности моего дѣла особому присутствію не было уважено, и я лишенъ возможности предстать на судъ общественной совѣсти, а, слѣдовательно, лишенъ всѣхъ гарантій справедливаго суда, и такъ какъ мнѣ даже не было разрѣшено высказаться по этому поводу, то я не считаю для себя возможнымъ принять какое-нибудь участіе въ судѣ особаго присутствія».

— Это не касается суда, — замѣтилъ Петерсъ; — значить, званіе, занятіе и мѣстожителство неизвѣстны.

Все время въ залѣ стоялъ непрерывный шумъ. Подсудимые преспокойно разговаривали другъ съ другомъ, не обращая вниманія на судъ. Послѣ прочтенія списка свидѣтелей Чудновскій заявилъ, что онъ не слышалъ, явился-ли такой-то свидѣтель. Петерсъ отвѣтилъ, что виноваты въ этомъ сами подсудимые, такъ какъ они все время разговариваютъ другъ съ другомъ.

Тутъ вскочилъ Чернявскій и объявилъ, что, такъ какъ судъ не уважилъ ходатайствъ защиты и, вслѣдствіе этого, остался судомъ закрытымъ, то подсудимые не относятся къ нему, какъ къ суду. Петерсъ попробовалъ остановить говорившаго, въ отвѣтъ на что раздались со всѣхъ сторонъ зала крики: «Слушайте, когда вамъ говорятъ!»

Петерсъ дослушалъ Чернявскаго, но затѣмъ приказалъ жандармамъ вывести его изъ зала. Тогда подсудимые вскочили съ мѣстъ съ крикомъ: «Всѣхъ уводите! Мы всѣ не признаемъ суда! Къ черту судъ!», и толпою бросились къ выходу, который загородили жандармы. Петерсъ закричалъ: «Объявляю засѣданіе закрытымъ! Жандармы, очистите залъ».

Слѣдующее засѣданіе состоялось только черезъ день. Предсѣдатель обратился къ пропагандистамъ съ рѣчью, въ которой приглашалъ ихъ со-

хранять тишину и не нарушать шумомъ и демонстраціями порядка. Съ мѣста поднялся Мышкинъ, и между нимъ и Петерсомъ завязался слѣдующій діалогъ:

— Я принадлежу къ числу подсудимыхъ, которые въ концѣ прошлаго засѣданія участвовали въ только-что упомянутомъ вами безпорядкѣ. Хотя нашъ шумный неоформленный протестъ разразился неожиданно для меня, но я не раскаиваюсь по слѣдующей причинѣ. Обвинительный актъ полонъ клеветъ.

Петерсъ останавливаетъ Мышкина, замѣчая ему, что составленіе обвинительнаго акта не зависитъ отъ особаго присутствія и что документы, представляемые суду, имъ не составляются.

— Мы, главнымъ образомъ, — продолжаетъ Мышкинъ, — настаиваемъ на необходимости публичности и гласности. Правда, за судейскими мѣстами есть нѣсколько мѣстъ, и здѣсь, за двойнымъ рядомъ жандармовъ, примостились 3—4 субъекта, но неужели это хваленая публичность, дарованная суду на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ? Называть это публичностью, значитъ пронизировать, насмѣхаться надъ однимъ изъ основныхъ принциповъ новаго судопроизводства.

Тутъ Петерсъ возразилъ, что публичность суда гарантируется не присутствіемъ публики, а тѣмъ, что въ залѣ находится стенографъ «Правительственнаго Вѣстника» и обо всемъ, происходящемъ на судѣ, будетъ напечатанъ стенографическій отчетъ.

— По предыдущимъ примѣрамъ, — не унимался Мышкинъ, — мы знаемъ, что отчеты «Правительственнаго Вѣстника» представляютъ собою лишь второй экземпляръ обвинительнаго акта, а мы желаемъ, чтобы намъ была дана возможность выяснить наше дѣло передъ публикой и объясниться не передъ нѣсколькими чиновника-

ми, а передъ цѣлымъ обществомъ, отъ лица котораго во многихъ органахъ русской печати была выражена на это надежда.

— Подсудимый, довольно!

— Еще одно замѣчаніе! Мы глубоко убѣждены въ справедливости азбучной истины, что свѣта гласности боятся только люди съ нечистою совѣстью, старающіеся прикрыть свои грязныя, подлыя дѣлишки, совершаемыя келейнымъ образомъ. Зная это и искренне вѣря въ чистоту и правоту нашего дѣла, за которое мы уже не мало пострадали и еще довольно будемъ страдать, мы требуемъ полной публичности и гласности.

Когда Мышкинъ сѣлъ, поднялся съ мѣста Муравскій и сказалъ, что присоединяется къ заявленію Мышкина, послѣ чего встала большая часть обвиняемыхъ со словами: «И мы также!»

Затѣмъ началось чтеніе обвинительнаго акта, продолжавшагося два дня. Здѣсь нельзя не замѣтить, что, насколько обвинительный актъ по дѣлу «50-ти» изложенъ обстоятельно, толково, дѣловито, настолько актъ по дѣлу «193-хъ» представляетъ собою нѣчто въ высшей степени хаотическое, несвязное, составленъ безъ всякаго плана, послѣдовательности. Въ немъ нѣтъ ни слѣда группировки матеріала по какимъ-либо основаніямъ. Онъ состоитъ изъ ряда отдѣльных клочковъ, изложенныхъ въ такомъ порядкѣ, что, напримѣръ, обстоятельства, уличающія Ковалика или Войноральскаго, изложены въ двадцати мѣстахъ документа. Это произведеніе прокурора Жихарева, положительно самый слабый памятникъ официальной литературы этого рода.

Обвиненіе противъ «193-хъ» было формулировано въ томъ смыслѣ, что имъ приписывалось составленіе и участваніе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью, въ болѣе или ме-

нѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства. Войноральскій и Мышкинъ обвинялись, кромѣ того, въ составленіи, печатаніи и разсылкѣ сочиненій, явно возбуждавшихъ къ бунту. Почти всѣ подсудимые обвинялись также въ распространеніи сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту. Мышкинъ обвинялся въ покушеніи на убійство казаковъ на дорогѣ изъ Вилюйска въ Якутскъ, Лопатинъ въ содѣйствіи побѣгу Волховскаго, Эндауровъ въ преступленіи по должности, Ларионовъ въ кражѣ и растратѣ, Емельяновъ и Щегловъ въ богохульствѣ, Субботина, Емельяновъ и Тарновскій въ произнесеніи дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и Эдельштейнъ въ ввозѣ въ Имперію изъ-за границы революціонныхъ книгъ.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта первоприсутствующій объявилъ, что въ распорядительномъ засѣданіи, состоявшемся 11-го октября, особое присутствіе, несмотря на тѣсную связь всѣхъ частей дѣла, нашло необходимымъ, въ виду физической невозможности производить судебное слѣдствіе во всемъ его объемѣ въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ, раздѣлить ихъ на семнадцать группъ и произвести судебное слѣдствіе въ отношеніи каждой изъ семнадцати группъ отдѣльно. Кромѣ того, распорядительное засѣданіе рѣшило произвести при закрытыхъ дверяхъ судебное слѣдствіе въ отношеніи пяти лицъ, обвиняемыхъ въ оскорбленіи вѣры и Величества.

Подъ шумъ громкихъ криковъ протеста, раздававшихся изъ разныхъ концовъ зала, Мышкинъ заявилъ, что въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщается отчетъ въ крайне своеобразномъ видѣ, и все наиболѣе важное и существенное въ немъ пропускается. Такъ,

напримѣръ, по словамъ Мышкина, въ отчетѣ о засѣданіи 20-го октября подсудимые изображены въ очень непривлекательномъ видѣ. Выходить, какъ будто они выслушали въ благоговѣйномъ молчаніи правоученіе предсѣдателя, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ раздавались протесты и возраженія.

Петерсъ объявилъ, что полный стенографическій отчетъ по дѣлу будетъ напечатанъ впоследствии и въ немъ никакихъ искаженій не будетъ.

Тутъ всталъ прис. пов. Утинъ и попросилъ слова по вопросу о раздѣленіи подсудимыхъ на группы. «Это постановленіе окончательно, и никакихъ заявленій о немъ не можетъ быть дѣлаемо!», объявилъ Петерсъ и, не обращая вниманія на Утина, просившаго занести этотъ отвѣтъ въ протоколъ, закрылъ засѣданіе. Одновременно, какъ констатируетъ оффиціальный отчетъ, на мѣсто, отведенное для защитниковъ, вошелъ строй казаковъ и оттѣснилъ ихъ отъ подсудимыхъ. Первоприсутствующій, объявляя засѣданіе закрытымъ, приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ очистить залъ, что и было исполнено.

Въ слѣдующемъ засѣданіи произошелъ новый скандалъ. Прис. пов. Александровъ, отъ имени всей защиты, предъявилъ письменное заявленіе, въ которомъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы каждому изъ подсудимыхъ, по мѣрѣ ихъ возвращенія въ залу засѣданія, сообщалось все, что происходило въ ихъ отсутствіи, чтобы опросъ свидѣтелей и чтеніе актовъ и бумагъ предварительнаго слѣдствія, выполненные въ группахъ предшествующихъ, были повторены сполна каждой изъ группъ послѣдующихъ и наоборотъ. Заканчивалось заявленіе слѣдующимъ образомъ:

«Представляя наше ходатайство, мы, по долгу нашего званія и совѣсти, считаемъ себя обязанными заявить, что только полное его удовле-

твореніе дать намъ возможность каждому, по мѣрѣ силъ, исполнить возложенную на насъ тяжелую обязанность въ той полнотѣ и съ той законной свободой, которыя такъ необходимы для правильнаго отправленія правосудія. Въ противномъ случаѣ, считая безчестнымъ покинуть нашъ постъ, пока есть какая-либо возможность держаться на немъ, мы искренно заявляемъ, что исполнимъ изъ нашей задачи только то, что предоставитъ намъ исполнить усмотрѣніе особаго присутствія».

По прочтеніи вышеприведеннаго ходатайства всталъ товарищъ прокурора Желеховскій и заявилъ, что онъ съ глубокимъ прискорбіемъ выслушалъ защиту, такъ какъ въ ея дѣйствіяхъ видѣнъ предварительный стовѣръ, желаніе какъ бы сдѣлать упрекъ особому присутствію и, вообще, взвести на него нареканія, желая затруднить и затянуть судебное слѣдствіе.

Противъ заявленій Желеховскаго протестовалъ Герардъ, сказавшій, что защита дѣйствуетъ въ законныхъ предѣлахъ и потому справедливо отстаиваетъ и будетъ отстаивать свои права. Прис. пов. Потѣхинъ просилъ слова Желеховскаго записать въ протоколъ, какъ оскорбительныя для защиты, такъ какъ онъ намѣренъ возбудить по поводу ихъ особое дѣло. Потѣхинъ просилъ предсѣдателя запретить прокурору такъ своевольно искажать слова защиты. Всѣ остальные защитники объявили, что присоединяются къ заявленію прис. пов. Потѣхина.

Особое присутствіе удалилось и послѣ продолжительнаго совѣщанія вынесло рѣшеніе, коимъ: ходатайство защитниковъ оставлено безъ послѣдствій, въ словахъ Желеховскаго не усмотрѣно ничего оскорбительнаго для защиты, слова же Потѣхина, какъ оскорбительныя для обвини-

тельной власти, было рѣшено запести въ протоколь...

Вся вышеизложенная сцена происходила въ присутствіи первой группы обвиняемыхъ, куда вошли, по преимуществу, петербургскіе «чайковцы» въ количествѣ 17-ти человекъ. По исчерпаніи инцидента защитою, особое присутствіе приступило къ допросу обвиняемыхъ.

Первымъ былъ допрошенъ «предатель» Нивозкинъ, изложившій весьма обстоятельно все, извѣстное ему по поводу дѣятельности «чайковцевъ». Второю допрашивалась Перовская. Какъ рассказываетъ Синегубъ, по возвращеніи въ тюрьму послѣ засѣданія сената, въ которомъ было рѣшено разбить подсудимыхъ на группы, состоялись сейчасъ же засѣданія «по клубамъ». Было рѣшено протестовать противъ суда, хотя къ постановленію присоединились далеко не всѣ. Поэтому Перовская отказалась давать какіе бы то ни было отвѣты и сказала, что не желаетъ участвовать въ судѣ.

Затѣмъ былъ допрошенъ Рабиновичъ. Онъ сказалъ:

— Я явился сюда только съ тою цѣлью, чтобы объявить, что всѣ данныя моего показанія—чистѣйшая ложь. Даль я ихъ въ надеждѣ, что меня освободятъ. Я, дѣйствительно, занимаюсь пропагандою и распространеніемъ запрещенныхъ книгъ, но я не признаю себя виновнымъ, такъ какъ это вовсе не есть вина. Я не желаю признавать такой судъ. Мои прежнія показанія и были потому таковы, что мы всѣ были разъединены. Теперь насъ опять хотятъ разъединить. Съ нами обращаются, какъ со стадомъ барановъ...

— Подсудимый, не забываетесь! — перебилъ Петерсъ, — вы не имѣете права оскорблять судъ.

— Я не желаю никого оскорблять. Я хочу

только сказать, что не признаю такого суда и отказываюсь отъ защиты и отъ защитника.

Въ такомъ же смыслѣ сдѣлали заявленія Корнилова, Гауэнштейнъ и Рогачевъ, сказавшіе, что приведены насильно, такъ какъ иначе не пришли бы. Они просили увести ихъ изъ зала. Синегубъ по уполномочію петербургскихъ «чайковцевъ» заявилъ:

— Намъ никто не скажетъ, что у васъ нѣтъ заранѣ составленныхъ рѣшеній, какъ относительно хода судопроизводства, такъ и относительно самихъ приговоровъ. Мы не доверяемъ суду, не признаемъ его и требуемъ оставить насъ въ нашихъ камерахъ, гдѣ мы по 3—4 года ждали съ такимъ нетерпѣніемъ хоть сколько-нибудь приличнаго суда...

— Если вы будете употреблять такія выраженія, то будете удалены изъ зала засѣданія, — перебилъ Синегуба Петерсъ.

— И не дождались... — пробовалъ продолжать подсудимый.

— Выведите его! — распорядился Петерсъ, но вдругъ остановилъ жандармовъ, выведившихъ Синегуба: — Желаете-ли вы отвѣчать на вопросъ о виновности?

— Не желаю!

Синегуба вывели, а вслѣдъ за нимъ Рабиновича и Рогачева, заявившихъ, что они присоединяются къ его словамъ. Такія же требованія предъявили и остальные подсудимые первой группы, и всѣхъ ихъ поочередно удалили изъ зала. Такимъ образомъ, свидѣтели первой группы допрашивались въ отсутствіи подсудимыхъ.

«Надо отдать справедливость суду, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Синегубъ, — что по его распоряженію всѣхъ протестантовъ послѣ того, какъ они заявили протестъ, въ судъ больше ужъ не таскали, но, пока разбиралось дѣло груп-

ны, каждый разъ передъ засѣданіемъ суда въ форточку камеры просовывалась голова надзирателя и раздавался вопросъ: «Въ судъ не пожалуете?» Встрѣтивъ отрицательный отвѣтъ, форточку захлопывали, и подсудимыхъ оставляли въ покоѣ. Въ ночь съ 11-го на 12-е ноября, часамъ къ двумъ, стали выводить насъ сонныхъ изъ камеръ. Коваликъ, Рогачевъ, Сажинъ, Волховскій, Максимовичъ и я были сведены внизъ и посажены въ одной комнатѣ.

«Мы недоумѣвали, что съ нами думаютъ сдѣлать? У многихъ являлась мысль, ужь не задумали-ли жандармы вести насъ въ 3-е Отдѣленіе и тамъ драть за оскорбленіе, нанесенное сенату?»

Однако, все кончилось благополучно. Просто нѣсколько человекъ, показавшихся властямъ почему-то наиболее ярыми протестантами, перевели изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость.

Между тѣмъ, судебное слѣдствіе подвигалось, несмотря на отсутствіе обвиняемыхъ, систематически за малыми исключеніями заявлявшихъ протестъ противъ суда, послѣ чего ихъ удаляли.

VI.

Рѣчь прокурора и соображенія В. Д. Спасовича. — Приговоръ суда по дѣлу „193-хъ“. — Отклоненіе прошенія о смягченіи участи приговоренныхъ. — Изъ воспоминаній кн. Мещерскаго.

О процессѣ «193-хъ» сохранилось, вообще, весьма мало документальныхъ извѣстій. Обѣщанный правительствомъ стенографическій отчетъ никогда не появился, составленный же и напечатанный на средства защитниковъ отчетъ о первой половинѣ дѣла по распоряженію комитета министровъ былъ преданъ сожженію. Обвинительный актъ, приговоръ, рѣчь Мышкина, нѣкоторыя свѣдѣнія о показаніяхъ свидѣтелей и рѣчь Спасовича — вотъ и все, что сохранилось отъ этого процесса-монстра, продолжавшагося пять недѣль.

Изъ рѣчи Спасовича мы узнаемъ, что товарищъ оберъ-прокурора, выступившій обвинителемъ по этому дѣлу, считалъ главными виновниками не Мышкина, Рогачева. или Войноральскаго, но, какъ это ни странно, доктора Кадьяна и фактически никому неизвѣстнаго, не игравшаго почти никакой роли въ движеніи В. Н. Щепкина. По выраженію Спасовича, они получили исключительное, особенно возвышенное положеніе на самой вершинѣ пирамиды обвиненія.

«Я не знаю, какъ вы посмотрите на Кадьяна, --говорилъ Спасовичъ,--но, что касается до Щепкина, то я надѣюсь доказать, что онъ не заслуживаетъ этой чести, и что ему никакъ не подобаетъ

по его свойствамъ чинъ конвода революціонной партіи, въ который онъ возводится единственно только изъ банальныхъ и многимъ людямъ общихъ признаковъ. Въ этомъ странномъ дѣлѣ совершеннolѣтiе имѣеть рѣшающее значеніе: имѣлъ кто несчастіе быть совершеннolѣтнимъ, тотъ и коноводъ, не достигъ 21-го года—такъ былъ увлеченъ и былъ безсознательно разрѣшающею пре-восходящiе пониманіе ея вопросы овечкою».

И такъ, Щепкинъ былъ произведенъ прокуратурою въ главные коноводы движенія на томъ только основаніи, что онъ былъ человѣкъ, хотя и очень молодой, но старше многихъ обвиняемыхъ по процессу «193-хъ» и, кромѣ того, занималъ извѣстное общественное положеніе: числился помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, состоялъ гласнымъ московскаго земства, кандидатомъ въ мировые судьи.

«Случалось-ли вамъ, гг. судьи,—говорилъ Спасовичъ,—бывать на диспутѣ, когда докторантъ поставилъ тезисъ, составляющій, очевидно, выводъ заключительный, но не потрудился объяснить, а тѣмъ болѣе доказать посылокъ вывода, или поставилъ общее понятіе, а не доказалъ, что налицо есть хоть одна сотня; сказалъ «яйцо», а не доказалъ, что есть скорлупа, желтокъ, бѣлокъ; сказалъ «человѣкъ», а не доказалъ, что въ данномъ тѣлѣ, принимаемомъ имъ за человѣка, были ноги, руки, животъ, голова».

Такъ говорилъ Спасовичъ, убѣдительно отвергая утвержденіе обвинительнаго акта о томъ, что пропагандисты 70-хъ годовъ составили одно сообщество, къ которому принадлежали всѣ 193 человѣка. Впрочемъ, это принялъ и самъ товарищъ оберъ-прокурора, указавшій въ своей рѣчи, что, хотя, подписывая обвинительный актъ, онъ считалъ, что всѣ подсудимые принадлежали къ одному сообществу, но теперь долженъ признать, что такого сообщества не было, и подсудимые со-

ставляли, по меньшей мѣрѣ, 17 группъ, не одну шайку, но 17 шаекъ. Самъ товарищъ оберъ-прокурора призналъ въ своей рѣчи, что былъ сдѣланъ промахъ, что одной организованной партіи никогда не существовало.

Воспользовавшись признаніемъ товарища оберъ-прокурора, Спасовичъ доказалъ, что и дѣленіе подсудимыхъ на 17 группъ, или шаекъ произвольно, что въ каждой группѣ были подсудимые, совершенно незнакомые между собою и «ничѣмъ», кромѣ сопоставленія ихъ на одной страницѣ обвинительнаго акта, несвязанные». Понимая все это, прокуратура, по слѣдамъ Спасовича, вмѣсто группъ выдвинула еще одинъ терминъ, «кружки».

«По всему обвинительному акту такъ и проходитъ это названіе «кружки»,—говорилъ Спасовичъ,—то, что такое кружокъ, какое опредѣленіе этого понятія, какіе признаки его, намъ не сказано, мало того, пущена въ ходъ мысль, что русскіе революціонеры ухитрились организовать безъ организаціи и что общее понятіе, которое до сихъ поръ отъ сотворенія міра считается совокупностью извѣстныхъ признаковъ, по изобрѣтенію этихъ революціонеровъ должно было быть безъ всякихъ признаковъ. Оно равняется такому разсужденію: доселѣ думали, что люди должны быть безъ головъ; полагали, что люди должны думать силлогизмами, а теперь оказывается, что нѣтъ. Это изобрѣтеніе, если бы оно было доказано, я бы назвалъ гениальнымъ, но оно не доказано, и посему, такъ какъ съ нами играютъ въ прятки, то мы должны сами, предаваясь работѣ намъ по свойственной, поставить вопросъ, что же такое? Я полагаю, что признаковъ кружка во всякомъ случаѣ два: число и связь. Здѣсь были приводимы примѣры гениальнаго пренебреженія даже числомъ до того, что являлись кружки, состоящіе изъ одного человѣка, на примѣръ, Воронцовъ, другой Робинзонъ Крузэ... Въ уголовномъ правѣ для круж-

ка необходимо требуется, чтобы была единица плюс известное число другихъ единицъ. Мы касаемся вопроса, который разрѣшается еще по старой логикѣ Аристотеля, именуемой соритъ, или куча: одно зерно есть-ли куча?—нѣтъ, два зерна—нѣтъ, и такъ дальше до тѣхъ поръ, пока не скажутъ,—да, это куча. Но тогда затрудненіе въ томъ, что отъ одного какого-нибудь зерна не-куча превращается въ кучу, слѣдовательно, вся сила якобы въ этомъ зернѣ. Не останавливаясь на этомъ старомъ схоластическомъ примѣрѣ умствованія, уже известнаго древнимъ грекамъ, замѣчу, что едва-ли два человѣка могутъ составить кружокъ. Даже сенатъ высказался, что для понятія сообщества необходимо число не менѣе трехъ».

Этимъ путемъ Спасовичъ доказалъ логическую несостоятельность обвиненія по отношенію къ цѣлому ряду подсудимыхъ и, въ частности, по отношенію къ своему клиенту, который и оказался оправданнымъ. Этимъ и объясняется сравнительная снисходительность сенатскаго приговора по дѣлу «193-хъ». При недоказанности обвиненія въ сообществѣ сенатъ затруднялся налагать на обвиняемыхъ наказаніе.

Приговоръ по дѣлу «193-хъ» былъ объявленъ 23-го января 1877 года.

Мышкинъ, Войноральскій, Коваликъ, Рогочевъ и Муравскій были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжные работы на 10 лѣтъ, Синегубъ, Стаховскій, Добровольскій, Квятковскій, Ливановъ, Чарушинъ, Шишко, Зарубаевъ, Союзовъ и Чернявскій на девять, Низовкинъ на восемь, Рабиновичъ, Стопане и Остапкинъ на шесть, Емельяновъ на восемь, Макаревичъ, Санинъ, Чудновскій и Брешковская на пять, Скворцовъ, Аверкіева и Сухинская на четыре года и Купріяновъ на 3 года 4 мѣсяца.

Лермонтовъ приговоренъ къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири.

Волховскій, Сергій Жебуневъ, Ларионовъ, Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Мейеръ, Говоруха-Отрокъ, Даниловъ, Клеопатра Блавдзевичъ, Головинъ, Кувшинская, Лебедева, Мокіевскій-Зубокъ, Саблинъ, Тихоміровъ, Фишеръ, Франжоли, Ярцевъ и Костюринъ — къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію.

Кацъ, Орловъ, Гауэнштейнъ, Милоглазкинъ и Морозовъ были приговорены къ заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи на 1 годъ 3 мѣс., Барковъ, Божко-Божинскій и Трезвинскій — къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ. Къ послѣднему наказанію приговорены также Гориновичъ, Артамоновъ, Городецкій, Блавдзевичъ, Волховская, Гриценковъ, Дробышъ-Дробышевскій, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Спѣсвцевъ, Фаресовъ, Юргенсонъ и Лопатинъ.

Лукашевичъ и Иванова, изъ которыхъ первый былъ осужденъ по дѣлу «50-ти», а вторая по дѣлу о демонстраціи на Казанской площади, были приговорены по совокупности къ ссылкѣ: первый въ отдаленнѣйшія, вторая не въ столь отдаленныя мѣста Сибири. Такимъ образомъ, изъ 193-хъ подсудимыхъ было приговорено въ каторжныя работы всего только 28, причемъ сенатъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія всѣмъ имъ точно такъ же, какъ и всѣмъ остальнымъ подсудимымъ, приговореннымъ къ заключенію на разные сроки.

Приговоръ сената, судившаго пропагандистовъ, былъ доставленъ въ Петропавловскую крѣпость въ концѣ марта 1878 года. Какъ рассказываетъ Синегубъ, его защитникъ, В. Н. Герардъ, побывъ у него въ камерѣ, поздравилъ его съ избавленіемъ отъ каторги.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала! — замѣтилъ, смѣясь, Синегубъ, и его предчувствіе оказалось правильнымъ. Ходатайство сената не было уважено и послѣдовало лишь согласіе засчитать обвиненнымъ годы заключенія въ одиночныхъ камерахъ въ срокъ каторги.

«Говорили въ то время, — добавляетъ Синегубъ, — что мы были обязаны отклоненіемъ ходатайства суда шефу жандармовъ Мезенцову и министру юстиціи Палену, которые, возмутившись мягкостью приговора, представили свои соображенія на счетъ невозможности такого скандала».

Въ сравненіи съ приговоромъ по дѣлу «50-ти», приговоръ по дѣлу «193-хъ» оказался дѣйствительно милостивымъ: всего только третья часть подсудимыхъ пошла на каторгу или на поселеніе. Если, однако, принять во вниманіе, что всѣ 193 человѣка до суда отбыли по четыре года одиночнаго заключенія, то придется признать, что снисходительность была здѣсь въ достаточной мѣрѣ мотивирована.

По словамъ записокъ кн. Мещерскаго, приговоръ по дѣлу «193-хъ» имѣлъ растлѣвающее дѣйствіе и послужилъ лозунгомъ, такъ сказать, для перехода анархическаго движенія умовъ изъ хроническаго въ острое.

«Онъ послужилъ доказательствомъ, съ одной стороны, слабости уголовного правосудія, а, съ другой стороны, зловѣщимъ признакомъ той террористической силы, которую имѣла тогда кривола. Сущность приговора надъ 193-мя обвиняемыми и уличенными анархистами заключалась въ томъ, что сенатъ не посмѣлъ обвинить такое значительное число лицъ въ государственныхъ преступленіяхъ и для большей части ихъ нашелъ предлоги, принявъ во вниманіе ихъ долгое заключеніе во время слѣдствія, длившагося три

года, зачислить въ наказаніе арестное время и затѣмъ ихъ освободить. Насколько эти освобожденные, съ одной стороны, не заслуживаютъ этого проявленія къ нимъ милосердія Верховнаго судилища, а, съ другой стороны, насколько они оцѣнили этотъ актъ милосердія, доказалъ рядъ послѣдовавшихъ годовъ, въ теченіе которыхъ почти всѣ они, по освобожденіи отъ суда, вернулись къ анархическимъ своимъ кружкамъ и создали изъ себя ту среду, изъ которой выходили всѣ политическіе преступники до 1-го марта включительно... Не будь этого фальшиваго акта милосердія, вызваннаго ничѣмъ инымъ, какъ малодушіемъ и вліяніемъ на судей террористическаго либерализма, всѣ будущіе крамольники находились бы не на свободѣ, а на каторгѣ, и никогда не хватило бы ни матеріальной, ни нравственной силы вести эту упорную войну съ государственнѣмъ порядкомъ и этотъ рядъ покушеній съ 1878 по 1881 года».

И С Т О Ч Н И К И.

С. Синегубъ. — «Воспоминанія «чайковца». («Былое», 1906 г, №№ 8—10).

В. Д. Спасовичъ. — «Дѣло о 50-ти подсудимыхъ». Сочиненія, т. VI.

Вл. Бурцевъ. — «За сто лѣтъ». Лондонъ, 1897 г.

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Процессъ 193-хъ».

Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.». («Историч. Библио», № 6).

Клеменсь.—
Кравчинській (Степнякъ).—
Рогачевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

I.

Д. Клеменсъ. — Изъ воспоминаній о немъ кн. Кропоткина. — Изъ воспоминаній С. Кравчинскаго. — Бѣгство въ Москву. — Побѣгъ Тельсѣва. — Клеменсъ за границей. — Возвращеніе въ Россію и ссылка.

Какъ мы видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, въ теченіе 1874 г. почти всѣ дѣятели петербургскихъ и московскихъ кружковъ были переловлены и заключены въ тюрьму. Почти всѣ, но не всѣ. Кое-кто остался на свободѣ. Къ обзорѣнню дѣятельности этихъ лицъ мы и переходимъ.

«Большинство моихъ товарищей, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Кропоткинъ про годы, которые онъ провелъ въ качествѣ вольнослушателя въ Петербургскомъ университетѣ, — были хорошіе юноши, трудолюбивые, но они не интересовались ничѣмъ, кромѣ экзаменовъ. Я подружился только съ однимъ, Дмитріемъ К. (Клеменсомъ).

«Онъ былъ родомъ изъ южной Россіи и, хотя носилъ нѣмецкую фамилію, врядъ-ли говорилъ по-нѣмецки, а въ типичномъ его лицѣ не было ничего тевтонскаго. Онъ былъ очень развитой, начитанный человекъ и много думалъ. Онъ любилъ науку и глубоко уважалъ ее, но, подобно большинству изъ насъ, скоро пришелъ къ заключенію, что стать ученымъ — значитъ перейти въ станъ филистеровъ, тогда какъ впереди такое множество другой, не терпящей отлагательства

работы. Онъ посѣщаль университетъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ бросилъ его и весь отдался соціальной дѣятельности.

«Жилъ онъ, Богъ вѣсть какъ. Сомнѣваюсь даже, была-ли у него постоянная квартира. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ: «Есть-ли у васъ бумага?» Забравъ запасъ ея, онъ примащивался гдѣ-нибудь у края стола и прилежно переводилъ часа два. То немногое, что онъ зарабатывалъ подобнымъ образомъ, съ избыткомъ покрывало его скромныя потребности, и, кончивъ работу, Клеменсъ плелся на другой конецъ города, чтобы повидаться съ товарищами или чтобы помочь нуждающемуся пріятелю. Онъ готовъ былъ исколесить весь Петербургъ цѣликомъ, чтобы выхлопотать пріемъ въ гимназію какого-нибудь мальчика, въ которомъ товарищи принимали участіе. Онъ несомнѣнно былъ очень талантливъ. Въ Западной Европѣ гораздо менѣе одаренный человѣкъ, чѣмъ онъ, навѣрное, сталъ бы виднымъ политическимъ или соціалистическимъ вождемъ. Но мысль о главенствѣ никогда даже не приходила въ голову Клеменсу. Честолюбіе было ему совершенно чуждо; зато я не знаю такой общественной работы, которую Дмитрій считалъ бы слишкомъ мелкой».

Далѣе, изъ воспоминаній кн. Кропоткина мы узнаемъ, что въ кружокъ «чайковцевъ» ввелъ его, именно, Клеменсъ, изъ воспоминаній же Чайковского, что онъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ членовъ его кружка, но самую полную біографію Клеменса, она же восторженный панегирикъ ему, мы находимъ въ «Подпольной Россіи» Степяка-Кравчинскаго. Склонный, вообще, къ идеализированію своихъ друзей, преувеличеніямъ, Кравчинскій, который, по справедливости можетъ быть названъ Гомеромъ русской революціи, такъ изображаетъ Клеменса:

«Онъ—человѣкъ простой, душа на-распашку, веселый собесѣдникъ и неподобный рассказчикъ. Его вольная, богатая рѣчь, пересыпанная образами и сравненіями, блещетъ всѣми сокровищами русскаго народнаго языка, которымъ онъ владѣетъ съ изумительнымъ крыловскимъ мастерствомъ.

«Онъ едва-ли не лучшій изъ нашихъ пропагандистовъ. Манера говорить и вести пропаганду у него своеобразная, совершенно неподражаемая. Это не страстная, вдохновенная проповѣдь Брешковской, не сократическій, неотразимый методъ Михаила Купріянова, гениальнаго юноши, умершаго въ тюрьмѣ 19 лѣтъ отъ роду. Клеменсъ ведетъ свою пропаганду въ шуткахъ. Онъ смѣется и заставляетъ хвататься за животы слушающихъ его мужиковъ, старыхъ и малыхъ, несмотря на всю ихъ обычную невозмутимость. Однако, онъ всегда ухитрится вложить въ свою шутку какую-нибудь серьезную мысль, которая такъ и засядетъ гвоздемъ имъ въ головы. Рѣдко кому удавалось вербовать столько приверженцевъ изъ среды крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

«Рѣчи, которыя ему случалось произносить иногда въ какомъ-нибудь кабачкѣ, выходили настоящими перлами искусства. Помню, какъ, отправляясь, бывало, съ нимъ въ походъ по деревнямъ, я часто по цѣлымъ часамъ не рѣшался вмѣшаться и прервать неисчерпаемый потокъ его блестящихъ импровизаций и, забывъ про пропаганду, отдавался весь эстетическому наслаженію слушателя.

«Красавцемъ Клеменса никакъ нельзя назвать. Скорѣе наоборотъ. Но лицо его—одно изъ тѣхъ, на которыя достаточно взглянуть разъ, чтобы оно навсегда осталось въ памяти. Верхняя

его часть, съ широкимъ лбомъ философа, съ живыми карими глазами, мягкими и вдумчивыми, въ которыхъ вспыхиваютъ по временамъ искры сдержаннаго смѣха, изобличаетъ въ немъ европейца въ полномъ смыслѣ этого слова, но по нижней части лица его можно принять за калмыка, киргиза, башкира, за кого угодно, только не представителя кавказской расы».

Обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ», самый полный сборникъ фактическихъ свѣдѣній о дѣятельности пропагандистовъ, упоминаетъ имя Клеменса довольно рѣдко. Оттуда мы узнаемъ, что лѣтомъ 1873 г. Клеменсъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ поселился около Киновеи, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Клочки», въ квартирѣ рабочаго Орлова. Тамъ Кравчинскій читалъ рабочимъ лекціи по исторіи, «сводившіяся къ восхваленію Разина и Пугачева», и по политической экономіи. Одинъ изъ свидѣтелей утверждалъ, что слышалъ одну лекцію Клеменса, въ которой послѣдній доказывалъ, что «монахи—дармоѣды, и что Господь Богъ не можетъ обучить рабочихъ французскому языку, а онъ, Клеменсъ, можетъ».

Клеменсъ съ Кравчинскимъ возлагали большія надежды на Орлова, который скоро усвоилъ себѣ ихъ ученіе. Они хотѣли сдѣлать изъ него сельскаго учителя. Онъ бросилъ свое мѣсто на заводѣ и сталъ жить на средства, предоставленныя ему «чайковцами». Клеменсъ съ Кравчинскимъ везли его въ Финляндію къ Флеровскому-Барви и при его посредствѣ завели знакомства среди рабочихъ.

Они устроили въ Клочкахъ бібліотеку, которой завѣдывалъ Орловъ, задержанный, впрочемъ, въ то же лѣто 1873 г. Онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ около 4-хъ лѣтъ, но былъ оправданъ сена-

томъ въ качествѣ одного изъ соучастниковъ процесса «193-хъ».

Вообще, какъ извѣстно, къ концу 1873 г. среди «чайковцевъ» были произведены многочисленныя аресты. Были арестованы Перовская, Синегубъ и другіе. Пришлось оставить пропаганду среди рабочихъ за Нарвскою заставою. По свидѣтельству кн. Кропоткина, было основано новое поселеніе, еще дальше за городомъ, но и его скоро пришлось оставить. Среди рабочихъ шныряли жандармы и зорко слѣдили за ними. Тѣмъ не менѣе, кн. Кропоткинъ, Клеменсъ и Кравчинскій, одѣтые въ крестьянскіе полушубки, съ крестьянскими паспортами, продолжали посѣщать кварталы, кишѣвшіе жандармами и полиціею.

«Положеніе Дмитрія и Сергѣя было очень опасно, — пишетъ кн. Кропоткинъ, — полиція усиленно разыскивала ихъ, такъ какъ они получили широкую извѣстность въ рабочихъ кварталахъ. Бывали періоды, когда Дмитрію каждый день приходилось разыскивать квартиру, гдѣ онъ сравнительно спокойно могъ бы провести ночь.

— Могу-ли я переночевать у васъ?—спрашивалъ онъ, являясь къ товарищу въ десятомъ часу.

— Совсѣмъ невозможно. За моей квартирой въ послѣднее время сильно слѣдятъ. Лучше ступайте къ N.

— Да я только-что отъ него, онъ говоритъ, что его домъ окруженъ шпионами.

— Ну, ступайте къ M. Онъ мой большой пріятель и внѣ подозрѣнія, но до него далеко. Возьмите извозчика. Вотъ деньги.

«Но изъ принципа Дмитрій денегъ не бралъ и плелся пѣшкомъ за ночлегомъ въ противоположный конецъ города, а то оставался у това-

рища, къ которому ежеминутно могли нагрянуть съ обыскомъ».

Такъ проводили Клеменсъ съ Кравчинскимъ осень 1873 г., пока, наконецъ, въ январѣ 1874 г. товарищи не заставили ихъ уѣхать изъ Петербурга. Они отправились въ Москву, гдѣ, по свидѣтельству того же обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ», занялись организаціей кружковъ, но затѣмъ полиція теряетъ ихъ изъ виду, и имя Клеменса не упоминается болѣе ни разу въ обвинительномъ актѣ по дѣлу «193-хъ». Повидимому, онъ вскорѣ послѣ переѣзда въ Москву уѣхалъ за границу, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ, которыя мы находимъ у Степняка-Кравчинскаго:

«Я помню, какъ увлекался онъ лекціями Гельмгольца, которыя посѣщалъ въ 1874 г., въ бытность свою въ Берлинѣ. Мнѣ стоило большихъ усилій отдѣлаться отъ его отчетовъ о нихъ, которыми онъ наполнялъ всѣ свои письма ко мнѣ въ Петербургъ».

Тутъ же повѣствуетъ Степнякъ:

«Несмотря на дѣятельное участіе въ движеніи и на всѣ превратности нелегальной жизни, Клеменсъ всегда держался на уровнѣ интеллектуальнаго прогресса Западной Европы, хотя питалъ особенную склонность къ экономическимъ наукамъ, но никогда не закапывался въ нихъ исключительно. Обладая жаждой знаній, онъ изучалъ все, не заботясь о томъ, сможетъ-ли онъ извлечь изъ этого непосредственную пользу или нѣтъ».

«Клеменсъ вовсе не человѣкъ партіи. Глубоко убѣжденный социалистъ, онъ отдалъ народному дѣлу все, что могъ: и свои знанія, и свой свѣтлый, пронизательный умъ, но онъ рѣшительно не годенъ для узкихъ рамокъ тайнаго общества».

Партія, къ которой онъ принадлежалъ, никогда не могла стать для него родиной, семьей, однимъ словомъ, всѣмъ. Онъ постоянно жилъ особнякомъ... Онъ любилъ весь міръ и не упускалъ ни одного случая принять участіе въ его жизни. Такъ, онъ писалъ не только для подпольной прессы, но гораздо больше для легальныхъ петербургскихъ журналовъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ подъ разными псевдонимами, и дѣлалъ это не только изъ желанія быть болѣе независимымъ и жить собственнымъ трудомъ, но потому, что нуждался въ болѣе обширной аудиторіи, чѣмъ та, которую могла доставить ему подпольная литература.

«Полный вѣры въ принципъ социализма, вообще, онъ относился въ высшей степени скептически къ различнымъ средствамъ, на которыя революціонеры смотрѣли въ разное время, какъ на универсальныя панацеи. Этотъ скептицизмъ парализовалъ, конечно, его силу въ подпольной борьбѣ, гдѣ, вслѣдствіе незначительности поля дѣйствія, не можетъ быть особеннаго разнообразія въ средствахъ.

«И, дѣйствительно, какъ конспираторъ, Клеменсъ не имѣлъ, собственно, никакого значенія. Благодаря своей неотразимой личной обаятельности, онъ привлекалъ массу приверженцевъ социалистической партіи изъ среды всѣхъ классовъ общества, особенно же изъ молодежи. Но самъ онъ «былъ совершенно неспособенъ вести привлеченныхъ имъ людей къ какой-либо опредѣленной цѣли: это уже приходилось дѣлать другимъ... У него не было ни той исключительности, ни той душевной черствости, вытекающихъ изъ страстной вѣры, которыя необходимы, когда приходится вести людей почти на вѣрную гибель.

Биографія Клеменса не изобилуетъ романиче-

скими приключеніями въ стилѣ Стефановича, Фроленко, Дебогорій-Мокріевича. Онъ уроженецъ одной изъ приволжскихъ губерній, гдѣ его отецъ былъ управляющимъ имѣніемъ. Клеменсъ отличался присутствіемъ духа, храбростью и никогда не терялъ самообладанія. По свидѣтельству Степняка, въ началѣ своей революціонной карьеры, скрываясь уже отъ полиціи, хотя и не перейдя еще на нелегальное положеніе, онъ отправился однажды къ прокурору хлопотать, чтобы ему отдали на поруки арестованнаго въ это время Сердюкова. Онъ говорилъ столь убѣдительно, что прокуроръ уже согласился исполнить его просьбу, и только какія-то новыя обстоятельства дѣла, выяснившіяся неожиданно, помѣшали Клеменсу осуществить его дерзкій планъ.

Большою дерзостью отличался и другой планъ Клеменса, приведенный имъ въ исполненіе. Въ Нечаевскомъ процессѣ былъ замѣшанъ и сосланъ за это административнымъ порядкомъ нѣкій Тельсіевъ. Клеменсъ почему-то рѣшилъ освободить его. Онъ отправился въ Петрозаводскъ, гдѣ находился Тельсіевъ, съ документами инженера, капитана Штурма, которому поручено будто бы произвести какія-то геологическія развѣдки въ Финляндіи. Онъ преспокойно явился къ губернатору и исправнику за полученіемъ какихъ-то справокъ и обворожилъ всѣхъ. Онъ сталъ любимцемъ общества, его приглашали на обѣды и вечера, и когда бѣжалъ Тельсіевъ и одновременно съ нимъ оставилъ городъ инженеръ Штурмъ, никому не приходило и въ голову подозрѣвать послѣдняго въ устройствѣ побѣга ссыльнаго.

За границей Клеменсъ участвовалъ въ Герцеговинскомъ возстаніи, принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ «Община», но въ 1879 году возвратился въ Россію, былъ арестованъ въ

Петербургъ и сосланъ административнымъ
порядкомъ въ Сибирь.

Въ настоящее время онъ состоитъ директо-
ромъ музея Императора Александра III. Обзоръ
его чиновной карьеры не можетъ, конечно, слу-
жить предметомъ нашего очерка.

II.

С. Кравчинскій-Степнякъ. — Дѣтство и воспитаніе. — Изъ воспоминаній Любатовичъ. — Изъ воспоминаній кн. Кропоткина. — Кравчинскій въ Андрушинѣ. — Арестъ и побѣгъ. — Шифръ Кравчинскаго. — Поѣздка за границу. — Участіе въ Герцеговинскомъ возстаніи. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Укрыватели: Таракановъ, Сѣровъ, Оттялія Горнъ. — Дворникъ русской революціи.

Другъ и пріятель Клеменса Кравчинскій-Степнякъ — уроженецъ юга, гдѣ его отецъ, полу-бѣлоруссъ, полу-украинецъ по происхожденію, занимался врачебною практикою на югѣ Россіи.

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій родился 14 іюня 1852 года. Его юность протекла безъ особенныхъ событій. На десятомъ году онъ поступилъ въ военное училище, въ 1869 году былъ произведенъ въ артиллерійскіе офицеры, послѣ чего сталъ заниматься пропагандою, хотя встрѣчалъ въ военной средѣ мало сочувствія. Въ 1871 году онъ вышелъ въ отставку, примкнулъ къ кружку Чайковскаго, близко сошелся съ княземъ Кропоткинскимъ, Клеменсомъ, Рогачевымъ и сталъ энергично заниматься пропагандою среди петербургскихъ рабочихъ.

Д. С. Любатовичъ, относящаяся къ Кравчинскому съ такою же восторженною любовью, какъ Кравчинскій къ Клеменсу, такъ описываетъ его:

«Онъ былъ красавецъ и уродъ: неправильныя, ломаныя линіи его смѣлаго, оригинальнаго лица

красили его своимъ уродствомъ. Мягкіе, коротко подстриженные, темнорусые волосы крупными волнами обрамляли его необычно большую голову и большой, прекрасный, открытый лобъ необыкновенной бѣлизны. Широкія, короткія, темныя брови были раздѣлены двумя глубокими вертикальными складками надъ переносемъ, придававшимъ лицу видъ рѣшимости и энергіи. Крупный ротъ съ сочными, свѣжими губами порой раскрывался въ широкую, добрую улыбку, порой передергивался какой-то меланхолически-нервной гримасой. Каріе глаза его то загорались огнемъ, то смотрѣли съ какой-то разсѣянной задумчивостью: онъ словно уходилъ въ себя и ничего не видѣлъ вокругъ».

По словамъ кн. Кропоткина, Кравчинскій былъ общимъ любимцемъ кружка «чайковцевъ». Его называли «младенцемъ», такъ мало заботился онъ о своей безопасности. Полиція все время усиленно разыскивала его; но, несмотря на это, онъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Такъ, напримѣръ, опоздавъ на сходку и желая попасть туда поскорѣе, онъ, одѣтый мужикомъ, въ полушубкѣ, промчался бѣгомъ по серединѣ Литейной.

«Мы сблизились съ нимъ впервые,—разсказываетъ кн. Кропоткинъ,—по поводу книги Стенли: «Какъ я нашелъ Ливингстона». Разъ наша сходка затянулась до полуночи; когда мы уже собирались расходиться, вошла съ книгой одна изъ Корниловыхъ и спросила, кто изъ насъ возьметъ перевести къ восьми часамъ утра шестнадцать страницъ англійскаго текста. Я взглянулъ на размѣръ страницъ и сказалъ, что, если кто-нибудь поможетъ мнѣ, работу можно сдѣлать за ночь. Вызвался Сергѣй, и къ четыремъ часамъ утра печатный листъ былъ переведенъ. Мы прочитали другъ другу наши переводы, причемъ

одинъ слѣдилъ по англійскому тексту. Затѣмъ мы опорожнили горшокъ каши, который оставили для насъ на столѣ, и вмѣстѣ вышли, чтобы возвратиться домой. Съ той ночи мы стали близкими друзьями».

Обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ» содержитъ много данныхъ, касающихся дѣятельности Кравчинскаго. Онъ велъ пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ, читалъ имъ лекціи вмѣстѣ съ Клеменсомъ и кн. Кропоткинымъ, подготавливалъ къ учительскому званію Орлова. Когда тверской дворянинъ Ярцевъ изъявилъ желаніе заняться пропагандою, то «чайковцы» командировали для обращенія его въ свою вѣру не кого иного, какъ Кравчинскаго. Онъ отправился къ Ярцеву въ Андрюшино, и, подъ его вліяніемъ, молодой помѣщикъ собирался устроить у себя въ имѣніи типографію.

Поѣздка Кравчинскаго въ Новоторжскій уѣздъ къ Ярцеву имѣла мѣсто лѣтомъ 1873 года. Въ ноябрѣ того же года онъ появился въ томъ же уѣздѣ въ сопровожденіи своего друга, Рогачева, тоже отставнаго офицера, и они стали ходить по деревнямъ въ качествѣ пильщиковъ. Оба друга отличались необычайной физической силой, и этотъ тяжелый трудъ даже понравился имъ. Крестьяне водили пропагандистовъ изъ избы въ избу и отказывались брать съ нихъ деньги за харчи. Кравчинскій, знавшій Евангеліе почти наизусть, толковалъ его мужикамъ и доказывалъ стихами изъ него, что слѣдуетъ начать бунтъ. Въ двѣ недѣли пропагандисты создали броженіе по деревнямъ. Молва про нихъ распространилась широко вокругъ. Крестьяне стали шептаться по амбарамъ про «ходоковъ» и начали громко говорить, что скоро землю отберутъ отъ господъ, которыхъ царь возьметъ на жалованье. Молодежь стала посмѣлѣе по отношенію къ полиціи и го-

врила: «Подождите, скоро придетъ нашъ чередъ. Не будете вы, иродово племя, верховодить надъ нами!»

Въ концѣ ноября, какъ видно изъ обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ», по распоряженію волостного старшины, которому поведеніе ихъ казалось подозрительнымъ, Кравчинскій и Рогачевъ были задержаны и отправлены къ становому приставу.

Какъ рассказываетъ кн. Кропоткинъ, ихъ повели подъ конвоемъ нѣсколькихъ мужиковъ.

«По пути пришлось проходить деревней, гдѣ былъ храмовой праздникъ.

— Кто такіе? Арестанты? Ладно! Валяй къ намъ, дяденьки!—говорили пировавшіе мужики.

«Арестантовъ и стражу задержали на цѣлый день, вода ихъ изъ избы въ избу и угощая брагой. Стражники не заставили себя упрашивать долго. Они пили и убѣждали арестантовъ тоже пить.

«Къ счастью, брага обходила кругомъ въ такомъ большомъ жбанѣ, что никто не могъ видѣть, сколько пьютъ арестованные, прикладываясь къ посудинѣ. Къ вечеру вся стража перепилась; такъ какъ она не хотѣла въ такомъ видѣ предстать передъ становымъ, то было рѣшено заночевать въ деревнѣ. Кравчинскій все время бесѣдовалъ съ крестьянами. Они слушали его и жалѣли, что такихъ хорошихъ людей ведутъ въ станъ. Когда всѣ укладывались спать, одинъ изъ молодыхъ конвойныхъ шепнулъ арестантамъ: «Ворота я притворю только, не запру на запоръ». Кравчинскій и Рогачевъ поняли намекъ. Когда всѣ заснули, они выбрались на улицу, пошли скорымъ шагомъ и къ пяти часамъ утра были уже въ верстахъ въ двадцати отъ деревни, на полустанкѣ».

Кравчинскій отправился въ Москву. Рогачевъ

въ Пензу. Еще до побѣга арестованные передали одному изъ крестьянъ письмо и попросили его сдать на почту. Крестьянинъ Клементьевъ исполнилъ эту просьбу, опустилъ письмо въ почтовый ящикъ, но позабылъ приклеить къ нему марку. Вслѣдствіе этого письмо было вскрыто на почтѣ и попало въ руки властей. Оно было написано на французскомъ языкѣ «и притомъ крайне безграмотно», добавляетъ обвинительный актъ, и было адресовано двоюродному брату Рогачева, Виктору Лехницкому. Арестованные писали:

«Мы не можемъ итти дальше, вслѣдствіе внезапной болѣзни. Скажите, что вы потеряли банковый билетъ Димитрія, а не послали его нѣкому Ф. Покажите это письмо, какъ можно скорѣе, нашимъ друзьямъ. Скажите имъ, что надо послать Ф. или кого-нибудь изъ друзей за всѣмъ, что онъ послалъ Ф.» Лехницкій, конечно, былъ немедленно разысканъ. Онъ показалъ, что, по просьбѣ Рогачева, послалъ ему кое-какія вещи въ Торжокъ, по адресу Фонтузоголо. Въ виду этого, властями была вытребована изъ ново-торжской почтовой конторы посылка на имя Фонтузоголо, но въ ней ничего особенно обличающаго пропагандистовъ найдено не было. Тамъ оказались: двѣ красныя кумачевыя рубашки, двѣ пары нежняго бѣлья и указъ объ отставкѣ Рогачева».

У кн. Кропоткина находимъ еще одинъ случай изъ пропагандистской практики Кравчинскаго:

«Разъ идемъ мы съ товарищемъ по дорогѣ. Нагоняетъ насъ мужикъ на дровняхъ. Я сталъ толковать ему, что податей платить не слѣдуетъ, что чиновники грабятъ народъ и что по Писанію выходить, что надо бунтовать. Мужикъ стегнулъ коня, но и мы прибавили шагу. Онъ погналъ лошадь трусой, но и мы побѣжали вслѣдъ, и все время я продолжалъ ему втолковывать на счетъ податей и бунта. Наконецъ, му-

жикъ пустилъ коня вскачь, но лошаденка была дрянная, такъ что мы не отставали отъ саней и пропагандировали крестьянина, покуда со-всѣмъ перехватило дыханье».

Отзывающійся о С. Кравчинскомъ съ большою любовью кн. Кропоткинъ пишетъ, что онъ терпѣть не могъ шифрованныхъ писемъ, въ виду чего они примѣняли такой способъ переписки:

«Вы пишете самое обыкновенное письмо о разныхъ разностяхъ, но въ немъ слѣдуетъ читать только нѣкоторыя слова, напримѣръ, пятое. Такъ, вы пишете: «Прости, что пишу второпяхъ. Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ. Завтра утромъ я долженъ поѣхать къ сестрѣ Лизѣ. Моему брату, Николаю, стало хуже. Теперь уже поздно сдѣлать операцію». Читая каждое пятое слово получается: «Приходи завтра къ Николаю, поздно».

«Приходилось писать письма на шести-семи страницахъ, чтобы передать одну страницу сообщеній. Нужно было, кромѣ того, изощрять воображеніе, чтобы выдумать письмо, въ которое можно было бы втиснуть все необходимое. Сергѣю, отъ котораго невозможно было добиться шифрованного письма, очень понравился этотъ способъ переписки. Онъ строчилъ мнѣ посланія, содержащія цѣлыя повѣсти съ потрясающими эпизодами и драматической развязкой. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что эти письма помогали ему развить беллетристическій талантъ. Если у кого есть дарованіе, то все содѣйствуетъ его развитію».

Кравчинскій послѣ тверскихъ походовъ оставался въ Москвѣ недолго и векорѣ появился въ Петербургѣ, пока кружокъ прямо не заставилъ его скрыться отсюда.

Онъ опять поѣхалъ въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ Клеменсомъ занялся организаціей тамошнихъ кружковъ. Его фамилія упоминается обвинитель-

нымъ актомъ по дѣлу «193-хъ» въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ мастерскую Войноральскаго въ Бутыркахъ, и фигурируетъ вторымъ номеромъ въ «Спискѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознаніямъ и еще не разысканнымъ», разосланномъ жандармскимъ управленіемъ въ концѣ 1874 года. О немъ тамъ помѣщены слѣдующія свѣдѣнія:

«Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій. Отставной поручикъ артиллеріи. Роста высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, лѣтъ 26, брюнетъ, волосы курчавые, носитъ бороду и усы; черты лица весьма крупныя и выразительныя; лобъ большой, развитой; говоритъ высокимъ, нѣсколько пискливымъ теноромъ. Называетъ себя Сергѣемъ Михайловичемъ; носитъ разное платье и имѣетъ фальшивые паспорта».

Систематическихъ свѣдѣній про жизнь и похождения Степняка въ періодъ 1874—78 гг. не имѣется. Извѣстно, что въ 1875—1876 г. онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Клеменсомъ участвовалъ въ Герцеговинскомъ возстаніи, послѣ чего отправился въ Италію, гдѣ участвовалъ въ Беневентскомъ возстаніи, былъ арестованъ и просидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ.

Несмотря на бдительность полиціи, Кравчинскій большую часть періода съ 1874 по 1878 гг. все-таки провелъ въ Россіи и притомъ въ Петербургѣ на нелегальномъ положеніи, принимая дѣятельное участіе въ революціонныхъ кружкахъ, возникшихъ вскорѣ послѣ разгрома «большого общества пропаганды», какъ называетъ Морозовъ движеніе начала 70-хъ годовъ. Онъ участвовалъ во многихъ изъ предпріятій, задуманныхъ революціонерами, въ образованіи «Земли и Воли», въ устройствѣ его типографіи, въ изданіи перваго номера «Земли и Воли» и т. д.

Кравчинскій не оставилъ послѣ себя автобіо-

графіи, по въ его извѣстныхъ очеркахъ, озаглавленныхъ «Подпольная Россія», много автобіографическаго матеріала, изъ котораго можно узнать, какъ ухитрялся онъ жить цѣлые годы, не смущаясь особенно преслѣдованіями полиціи, безпрестанно слѣдившей за нимъ.

«Я снова въ Петербургъ, -- пишетъ онъ въ очеркѣ «Укрыватели», -- время было трудное. Полиція преслѣдовала меня по пятамъ. Уже два раза мнѣ пришлось перемѣнить квартиру и паспортъ.

«Но я не могъ уѣхать куда-нибудь въ провинцію, такъ какъ у меня на рукахъ было дѣло, котораго некому было передать. Къ тому же мнѣ жаль было покинуть этотъ чудный городъ, съ его нервной, кипучей жизнью, подъ спокойною, холодною внѣшностью.

«Я надѣялся, что травля, которой періодически подвергается почти каждый нелегальный, постепенно прекратится, и что мнѣ можно будетъ переждать бурю, отсидѣться, не прибѣгая къ помощи «укрывателей».

«Это обширный классъ людей всевозможныхъ положеній, отъ аристократовъ и всякаго рода тузовъ до мелкихъ чиновниковъ, включая сюда и служащихъ въ полиціи, которые, сочувствуя революціоннымъ идеямъ, не принимаютъ по разнымъ причинамъ активнаго участія въ борьбѣ, но пользуются своимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы скрывать у себя, въ случаѣ надобности, какъ опасныхъ людей, такъ и опасныя бумаги.

«Потребовалась бы цѣлая книга, чтобы описать подробно этотъ оригинальный въ своемъ родѣ мірокъ, довольно многочисленный и, пожалуй, гораздо болѣе пестрый, чѣмъ міръ настоящихъ революціонеровъ»...

Послѣ такого предисловія Степнякъ описываетъ нѣсколько петербургскихъ обывателей,

услугами которыхъ ему приходилось пользоваться во время его скитаній. Попутно, нѣсколькими штрихами, онъ пишетъ портретъ Александра Михайлова, «дворника» русской революціи.

Послѣдній получилъ столь прозаическую кличку за то, что усердно наблюдалъ за исполненіемъ революціонерами всѣхъ правилъ предосторожности, предписанныхъ уставомъ «Земли и Воли», и предостерегалъ ея членовъ объ угрожавшей имъ опасности.

«Я сидѣлъ за утреннимъ чаемъ, — рассказываетъ Кравчинскій, — когда ко мнѣ въ комнату вошелъ «дворникъ».

— Что случилось? — спросилъ я, предлагая ему чашку чаю. Я зналъ прекрасно, что «дворникъ» не явился бы ко мнѣ безъ дѣла.

— За тобой сильно слѣдятъ, — отвѣтилъ онъ, — необходимо положить этому конецъ. Я пришелъ препроводить тебя въ безопасное мѣсто.

«Я такъ и думалъ, но, такъ какъ всякому хочется остаться по возможности дольше на свободѣ, я сдался не сразу и попросилъ у своего гостя объясненій.

«Прихлебывая чай, онъ сталъ излагать результаты своихъ наблюденій. Время отъ времени я задавалъ ему маленькіе вопросы, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о степени угрожавшей мнѣ опасности. Жизнь революціонера такъ переполнена ею, что, если обращать вниманіе на всякую мелочь, то ужъ лучше сразу пскончить съ собою. Собственно говоря, ничего особеннаго не было и въ данномъ случаѣ. За мною, правда, слѣдили, но все еще могло обойтись благополучно, и, явись ко мнѣ, вмѣсто «дворника», кто-нибудь другой, я бы запротестовалъ и, вѣроятно, остался бы на своей квартирѣ еще нѣсколько времени. Но «дворникъ» шутить не любилъ, и, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ по-

пыткъ сопротивленія, я принужденъ былъ сдаться».

Далѣе, Кравчинскій рассказываетъ, какъ онъ съ другомъ приступилъ къ «очисткѣ» квартиры, то есть уничтожилъ все, чѣмъ такъ или иначе могли воспользоваться жандармы, какъ объявилъ хозяйкѣ, что отправляется на короткое время въ деревню, и какъ они пошли къ «укрывателю».

«Едва мы успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ я увидѣлъ у окна одного магазина двухъ молодцовъ, пристально разглядывавшихъ выставленные въ витринѣ товары. «Дворникъ» мотнулъ головой въ ихъ сторону:—«они»—моль. Затѣмъ дернулъ впередъ подбородкомъ, что означало, что намъ не мѣшаетъ подбавить шагу.

«Началась гонка... «Дворникъ», какъ говорится, собаку съѣлъ по части всего, что относилось къ войнѣ съ полиціей и шпионами. Въ этой области онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, добытыми путемъ продолжительнаго и неутомимаго изученія. Нанявши разъ квартиру напротивъ дома начальника тайной полиціи, онъ долгое время посвящалъ цѣлые дни наблюденіямъ надъ всѣми входящими и выходящими и потому зналъ въ лицо изрядное количество петербургскихъ шпионовъ. Онъ тщательно изучилъ ихъ ухватки и распредѣлилъ ихъ по характеру, манерѣ слѣдить, и могъ поразсказать обо всемъ этомъ не мало интереснаго. Шпіона онъ умѣлъ распознать съ перваго взгляда, часто по признакамъ, повидимому, совершенно неуловимымъ, напоминая собою Куперовскихъ краснокожихъ въ борьбѣ съ враждебнымъ племенемъ. Вдобавокъ, онъ зналъ Петербургъ, какъ свои пять пальцевъ, и помнилъ наперечетъ всѣ проходные дворы, которые въ теченіе нѣкотораго времени были предметомъ его спеціальнаго изученія».

Революціонеры пересѣкли нѣсколько проход-

ныхъ дворовъ, сдѣлали нѣсколько крюковъ, гдѣ на извозчикѣ, гдѣ пѣшкомъ, и въ концѣ-концовъ «замели слѣдъ», то есть окончательно отдѣлались отъ шпионовъ, послѣ чего, съ массой всевозможныхъ предосторожностей, знаковъ и сигналовъ, они отправились къ «Буцефалу», иначе — коллежскому совѣтнику Тараканову, у котораго долженъ былъ найти пріютъ Кравчинскій.

По разсказу послѣдняго, Таракановъ былъ мужчина 35 лѣтъ, толстенькій и круглолицый, занимавшій видное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но, такъ какъ при этомъ онъ былъ горячимъ поклонникомъ Чернышевскаго и зналъ лично многихъ революціонеровъ, то охотно бралъ на себя роль «укрывателя». Такъ какъ онъ былъ внѣ всякихъ подозрѣній въ склонности къ потрясенію основъ, то его квартира считалась однимъ изъ самыхъ надежныхъ пріютовъ.

Степнякъ изображаетъ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ этого благодѣтеля революціонеровъ. По его словамъ, онъ былъ трусливъ, какъ заяцъ. Его и «Буцефаломъ» прозвали потому, что, подобно коню Александра Македонскаго, онъ боялся своей собственной тѣни. Онъ боялся рѣшительно всего: боялся подойти къ открытому окну, опасаясь сквозняка; не ѣздилъ на пароходѣ, боясь утонуть; не ѣлъ никогда рыбы, боясь подавиться; даже не женился, изъ страха измѣны...

Предоставивъ Кравчинскому у себя комнату, онъ предупредилъ его, что ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выходить изъ дому, такъ какъ днемъ онъ можетъ попасться на глаза дѣвицѣ, живущей въ первомъ этажѣ, цвѣточницѣ, или модисткѣ съ большими глазами, несомнѣнной шпионкѣ; вечеромъ же швейцару, который, навѣрное, состоитъ на службѣ въ полиціи. Все, что могло понадобиться укрываемому, Таракановъ

новъ обѣщаль приносить ему лично. Для большей безопасности онъ разсчиталь до появленія Кравчинскаго свою кухарку, никогда не возвращался со службы домой прямо и всегда дѣлаль маленькій крюкъ, ночью же пугался всякаго шороха и буквально не спаль, такъ что даже принималь хлораль-гидратъ, чувствуя потребность заснуть хоть немного.

Отъ Тараканова Кравчинскій переѣхаль въ квартиру другого «укрывателя», Сѣрова. Это былъ человекъ уже пожилой, почти совершенно сѣдой. Около 1861 г. онъ занималь постъ военнаго врача въ Казани, былъ замѣшанъ въ военномъ заговорѣ Иваницкаго и Черника и оставался съ тѣхъ поръ навсегда на примѣтѣ у полиціи, которая почти ежегодно являлась къ нему съ обыскомъ. Разъ десять его арестовывали и сажали въ крѣпость, но арестъ всегда ограничивался нѣсколькими днями, такъ какъ Сѣровъ былъ травленный волкъ, и жандармамъ не удавалось никогда найти какихъ-либо уликъ противъ него.

Онъ не принималь активнаго участія въ движеніи и не вѣрилъ въ успѣхъ революціи. Отъ пылкаго энтузіазма юныхъ лѣтъ Сѣровъ перешель къ скептицизму, но послѣдній не могъ вытравить изъ сердца Сѣрова горячей любви къ тѣмъ, кто остался въ рядахъ борцовъ. Онъ оказываль всякаго рода услуги революціонерамъ: организоваль корреспонденцію, отыскиваль мѣста для храненія запрещенныхъ изданій, собираль пожертвованія, подписки и мѣсячные взносы, но былъ незамѣнимъ въ трудной и важной роли «укрывателя». Онъ подвизался въ ней много лѣтъ и разъ даже устроилъ маленькую пирушку, чтобы отпраздновать десятилѣтній юбилей своего благополучнаго пристанодержательства.

Сѣровъ отличался особымъ талантомъ издали

чувствовать приближеніе жандармовъ и всякой опасности. Кравчинскій провелъ въ его квартирѣ около недѣли, но однажды хозяинъ, вернувшись домой къ обѣду, объявилъ: «что-то пахнетъ». Кравчинскій поспѣшилъ перекочевать въ другой притонъ, и, дѣйствительно, оказалось, что черезъ два-три дня у Сѣрова былъ произведенъ обыскъ, и жандармы, ничего не найдя, принуждены были убраться, какъ несолоно хлебавши.

Еще болѣе замѣчательнымъ типомъ являлась третья «укрывательница», Оттилія Густавовна Горнъ, датчанка по происхожденію, плохо говорившая по-русски. Еще молодою женщиною она переехала съ мужемъ въ Ригу, гдѣ вскорѣ ея мужъ умеръ. Спустя нѣкоторое время она сочеталась законнымъ бракомъ съ русскимъ чиновникомъ и переѣхала съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ ея мужъ получилъ какое-то мѣсто при полиціи.

Когда датская принцесса Дагмара сдѣлалась невѣстою наслѣдника-цесаревича, Горнъ задалась честолюбивою мечтою доставить своему мужу одну изъ многочисленныхъ должностей въ штатѣ цесаревны. Ссылаясь на какія-то заслуги своего перваго мужа при копенгагенскомъ дворѣ, она обратилась къ датскому посланнику съ просьбою похлопотать объ этомъ мѣстѣ. Посланникъ прямо посмѣялся надъ нею, и Горнъ воспыкала злобой и ненавистью. Вскорѣ она воспыкала безграничнымъ энтузіазмомъ къ нигилистамъ и стала яркой террористкой.

Она держала меблированныя комнаты, занимаемыя по преимуществу студентами, которые сначала подсмѣивались надъ политическимъ пыломъ семидесятилѣтней старухи, но смѣлость и находчивость, проявляемыя ею во время обысковъ у ея квартирантовъ, особая осторож-

ность при допросахъ заставили относиться къ ней серьезно. Она безстрашно уносила изъ-подъ самага носа жандармовъ, разныя компрометирующія бумаги, письма, книги, хранила запрещенныя изданія, конспиративную переписку и сдѣлалась одною изъ первыхъ «укрывательницъ» нелегальнаго люда. Ея мужъ, полицейскій чиновникъ, былъ тоже совращенъ въ нигилизмъ и оказывалъ женѣ посильную помощь своими связями

III.

Шефъ жандармовъ Мезенцевъ. — Его предшественники: гр. Шуваловъ и Потаповъ. — Изъ записокъ кн. Мещерскаго. — Убійство Мезенцева. — Изъ воспоминаній Кравчинскаго. — Шпіоны и сигналы революціонеровъ. — Вечеринка нигилистовъ. — Кравчинскій въ Женевѣ. — Исторія кивжала. — Литературные труды Степняка. — Смерть подъ колесами поѣзда.

4 августа 1878 г. Кравчинскимъ былъ совершенъ одинъ изъ самыхъ дерзкихъ террористическихъ актовъ, убійство шефа жандармовъ Мезенцева.

Оффіціальное описаніе этого случая гласитъ слѣдующее:

«Генераль-адъютантъ Мезенцевъ былъ во главѣ дѣлъ внутренней политики, которыя всѣ сосредоточивались въ «Третьемъ Отдѣленіи». Учрежденіе это было основано почти одновременно съ корпусомъ жандармовъ и функционировало уже полвѣка. Начальники этого отдѣленія, исполнявшіе обязанности шефа корпуса жандармовъ, выбирались изъ лицъ, отличенныхъ особымъ довѣріемъ императора. Они пользовались правомъ постоянныхъ сношеній съ Его Величествомъ, а что касается ихъ іерархическаго положенія и сферы ихъ власти, то полномочія ихъ были весьма обширны.

«Съ 1876 г. генералу Мезенцеву, главнымъ образомъ, было поручено дѣло борьбы съ дѣятельностью революціонной партіи. На немъ-то и де-

жала эта тяжелая обязанность, онъ-то и заботился объ умиротвореніи страны и не жалѣлъ своихъ силъ въ надеждѣ достигнуть столь желаннаго результата—искорененія социалистической партіи. Опытность, которую онъ приобрѣлъ въ сферахъ этихъ дѣлъ, часто не разрѣшимыхъ, будучи начальникомъ штаба корпуса жандармовъ съ 1864 г. и помощникомъ командующаго съ 1874 г., доставила ему этотъ постъ высокой важности».

По словамъ кн. Мещерскаго, Мезенцевъ былъ «человѣкъ честный, умный, но скорѣе мягкій, чѣмъ строгій...» Впрочемъ, какъ указываетъ князь въ своихъ воспоминаніяхъ, только одинъ графъ Шуваловъ умѣлъ стоять на стражѣ порядка, и съ уходомъ его «обнаружилась неумѣренность правительственной политики отпора».

«Умная борьба, веденная графомъ Шуваловымъ, состоявшимъ, какъ извѣстно, во главѣ 3-го Отдѣленія съ 1866 по 1874 г., могла держать, по словамъ кн. Мещерскаго, «въ извѣстномъ респектѣ партіи политическихъ агитаторовъ, обуздывать смѣлость ихъ замысловъ и ихъ инициативы. Въ теченіе 8 лѣтъ власти графа Шувалова не было ни одного покушенія на государя, всѣ знали, что машина заведена прочно».

Приемникъ Шувалова. Потаповъ, бывший виленскій генераль-губернаторъ, былъ, по словамъ князя, «и не глупый, и добрый человѣкъ, и честный человѣкъ, но онъ, именно, былъ олицетвореніемъ всего мелочного, безъ всякой самостоятельности, безъ всякой инициативы и съ безграничнымъ по размѢрамъ честолюбіемъ». При Потаповѣ, читаемъ далѣе, «3-е Отдѣленіе превратилось въ какое-то средоточіе множества мелочей, сплетень и интригановъ, благодаря которымъ, всѣ кружки крамолы могли дружно объединиться, почувствовать себя сильнѣе и переходить къ той

системѣ террора, которая въ 1878 году явилась уже въ полномъ своемъ разгарѣ... Съ 1874 года вплоть до 1877 наступила эпоха послабленія полицейскаго надзора, и присмирѣвшіе, было, кружки крамолы стали размножаться и обостряться... Пропаганда принимала все большіе размѣры и распространяла свои корни все глубже въ жизнь по многимъ причинамъ. Главнѣйшая изъ нихъ была на виду у всѣхъ, она заключалась въ неумѣлости правительственныхъ органовъ ей энергично противодѣйствовать и съ нею умно бороться».

Оффиціальныи отчетъ такъ описываетъ самъ фактъ убійства шефа жандармовъ:

«Генераль Мезенцевъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно дѣлать утреннюю прогулку. 4-го августа, между 9 и 10 часами, въ сопровожденіи полковника Макарова, сдѣлавши короткую остановку у часовни на Невскомъ проспектѣ, онъ уже проходилъ площадь Михайловскаго дворца, чтобы вернуться домой, какъ вдругъ, на углу дома Кочурова, какой-то молодой человекъ вышелъ изъ воротъ, бросился на него и вонзилъ ему въ животъ кинжалъ съ трехграннѣмъ клинкомъ. Послѣ этого преступникъ бѣжалъ къ углу Большой Итальянской. Полковникъ Макаровъ побѣжалъ за нимъ и успѣлъ его догнать настолько, что имѣлъ возможность ударить его по плечу зонтикомъ, который держалъ въ рукѣ. Въ этотъ моментъ другой субъектъ бросился на полковника и выстрѣлилъ, но промахнулся. Оба злодѣя, соединившись на углу улицы, бросились сразу въ экипажъ, который ихъ ожидалъ, и ускакали во всю прыть. Пользуясь быстротою своей лошади, они проѣхали Итальянскую, Садовую, промчались мимо Публичной Библиотеки, Александринскаго театра, по Театральной улицѣ и Апраксину рынку. Тамъ они сошли съ экипажа и продолжали

путь пѣшкомъ, но отъ этого пункта опредѣлить ихъ дальнѣйшій путь было невозможно. Генераль Мезенцевъ, окровавленный, имѣлъ еще силу доѣхать въ экипажѣ до своей квартиры, поддерживаемый полковникомъ Макаровымъ, но рана была настолько тяжела, что онъ умеръ въ тотъ же вечеръ.

«По показаніямъ многихъ свидѣтелей, анархистъ, нанесшій смертельный ударъ генералу, былъ средняго роста, въ очкахъ, въ свѣтломъ пальто и такого же цвѣта фуражкѣ. Исполнявшій обязанности кучера выглядѣлъ молодымъ человѣкомъ съ черными усами, въ длинномъ армякѣ темно-синяго цвѣта. Наконецъ, третій, выстрѣлившій въ полковника Макарова, былъ моложе преступника, средняго роста, нѣсколько худощавый. Лошадь, на которой ускакали злодѣи, былъ рѣзвый рысакъ черной масти; дрожки и вся сбруя—хорошаго вида».

Послѣ убійства Мезенцева Кравчинскій остался въ Петербургѣ. Въ «Подпольной Россіи» онъ такъ описываетъ свое времяпрепровожденіе, не упоминая, впрочемъ, ни словомъ, что убійство совершено имъ:

«Будучи первымъ фактомъ подобнаго рода, это событіе произвело очень сильное впечатлѣніе, какъ на общество, такъ и на правительство. Полиція перевернула весь городъ. Обыскамъ не было конца, и на улицахъ хватали людей по малѣйшему подозрѣнію. Ходили слухи, быть можетъ, преувеличенные, будто въ теченіе первыхъ двухъ дней было арестовано до тысячи человѣкъ.

«Нашему брату, «нелегальному», было опасно показаться на улицу, и потому я принужденъ былъ подвергнуть себя «карантину», одной изъ несноснѣйшихъ вещей, какія только приходится претерпѣвать русскому революціонеру. Поселившись у одного изъ нашихъ испытанныхъ друзей,

который занималъ положеніе, ставившее его внѣ всякихъ подозрѣній, я долженъ былъ все время сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, не показывая носа на улицу, даже по вечерамъ. Скука была смертная. Я писалъ одну маленькую вещицу, а когда писать становилось невмоготу, читалъ французскіе романы, чтобы хоть какъ-нибудь убить время».

Въ день похоронъ Мезенцева Кравчинскій, какъ видно изъ воспоминаній О. С. Любатовичъ, былъ на вечеринкѣ въ квартирѣ художницы Александры Малиновской, въ Измайловскомъ полку, близъ Забалканскаго проспекта. Малиновская, собственно, была въ это время на дачѣ, и въ ея комнатѣ жила Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, у которой и собралось 15 человѣкъ революціонеровъ. Были Осинскій, Морозовъ, Александръ Михайловъ, по прозванію «дворникъ», Адрианъ Морозовъ, былъ и Кравчинскій. Любатовичъ утверждаетъ, что «въ этомъ, на видъ здоровомъ, могучемъ, порою почти шумно-веселомъ человѣкѣ при внимательномъ наблюденіи можно было подмѣтить симптомы пережитаго глубокаго нервнаго потрясенія, внѣшніе слѣды котораго лишь сглаживались силою сдержанности, но не исчезали вполнѣ».

Кравчинскій рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ про эту пирушку, утверждая, что онъ отправился на нее съ цѣлью познакомиться съ Осинскимъ:

«Въ сумерки я вышелъ изъ дому, — пишетъ онъ, — Улицы были пусты, такъ какъ мой пріятель жилъ на окраинѣ города. Тѣмъ не менѣе, нельзя было пренебрегать никакими предосторожностями, и потому я направился въ сторону, противоположную той, куда мнѣ нужно было идти. Покруживши не мало, я вышелъ, наконецъ, на одну изъ наиболѣе оживленныхъ улицъ.

«Первое, что мнѣ тамъ бросилось въ глаза, были отряды казаковъ, вооруженныхъ пиками, и цѣлая стая шпионовъ, попадавшихъ буквально на каждомъ шагу. Они то стояли на мѣстѣ, то прохаживались взадъ и впередъ. Узнать ихъ было чрезвычайно легко. «Временно исполняющіе» выглядели гораздо комичнѣе. Это были просто переодѣтые солдаты. Они прогуливались небольшими партіями и, какъ люди, привыкшіе къ строю, не могли ни стоять, ни ходить вразсыпную: нѣтъ, нѣтъ, да и выстроятся въ полувзводики. Одѣты они были очень забавно. Такъ какъ трудно было впопыхахъ добыть для нихъ различные костюмы, то цѣлые отряды были въ одинаковыхъ шапкахъ, одинаковыхъ пальто и брюкахъ. Иные понапяливали себѣ на носъ огромные, синіе очки, надѣясь, такимъ образомъ, придать себѣ видъ студентовъ.

«Вдосталь налюбовавшись ими, я направился къ конспиративной квартирѣ нашего кружка. Проходя по сосѣдней улицѣ, я поднималъ глаза, чтобы удостовѣриться, выставленъ-ли въ извѣстномъ окнѣ дамскій зонтикъ, знакъ, что все обстоять благополучно, такъ какъ при малѣйшей тревогѣ его должны были убрать. Зонтикъ оказался на мѣстѣ. Однако, зная, что жандармы прослышали объ употребленіи революціонерами сигналовъ, нерѣдко подвергали тщательному осмотру окна и послѣ ареста ставили все, что тамъ было, на прежнее мѣсто, я не удовлетворился этимъ и пошелъ дальше. Опять покругившись немного, я добрался до одного мѣстечка, гдѣ былъ увѣренъ найти точныя указанія, надъ которыми полиція не была властна, еслибъ даже и пронюхала про наши хитрости. Мѣсто, куда я вошелъ, было то, куда, по народному выраженію, самъ царь пѣшкомъ ходитъ. Тамъ, въ заранѣе условленномъ уголкѣ, долженъ былъ находиться едва

примѣтный значекъ, мѣнявшійся каждое утро, а въ особенно тревожное время и два раза въ день. Значекъ былъ на мѣстѣ и гласилъ, что опасности нѣтъ никакой. Всякое сомнѣніе у меня исчезло.

«Однако, такъ какъ «справочное бюро», какъ мы называли этотъ пунктъ, было въ верстѣ разстоянія отъ конспиративной квартиры, и, идя оттуда, можно было какъ разъ попасться на глаза шпиону, я рѣшилъ удостовѣриться по пути, что за мной не слѣдятъ. Навстрѣчу мнѣ шла незнакомая, очень красивая дама. Когда она поровнялась со мной, я сталъ пристально оглядывать ее, а, когда она прошла, повернулся и посмотрѣлъ ей вслѣдъ. За мной не было ни души.

«Въ это время я находился всего въ двухъ шагахъ отъ цѣли своего путешествія. Спокойно поднявшись по лѣстницѣ, я позвонилъ особеннымъ образомъ. Мнѣ отворили немедленно.

«Комната была полна народу. На простомъ деревянномъ столѣ стояло нѣсколько бутылокъ пива и двѣ тарелки: одна съ ветчиной, другая съ копченой рыбой. Это была одна изъ маленькихъ пирушекъ, которыя «нигилисты» позволяютъ себѣ изрѣдка въ видѣ отдыха отъ нервнаго напряженія, въ которомъ они принуждены жить постоянно... Я всегда очень любилъ эти «пирушки», веселѣе и оживленнѣе которыхъ трудно себѣ что-нибудь представить. Всѣ собравшіеся здѣсь люди—нелегальные, за которыми числилось немало всякихъ грѣховъ. Каждый имѣлъ на поясѣ кинжалъ и заряженный револьверъ и былъ готовъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія, защищаться до послѣдней капли крови. Но, привыкли жить постоянно подъ Дамокловымъ мечемъ, они въ концѣ-концовъ перестали думать объ опасности. А, быть можетъ, эта опасность, именно, и

придавала ихъ веселью такой безшабашно-удалой характеръ.

«Всюду слышался смѣхъ, громкій говоръ, шутки. А по угламъ расположились пары, тихо бесѣдовавшія между собой: то были пріятели, предавшіеся душевнымъ изліяніямъ,—другая неизбежная принадлежность этихъ пирушекъ. От времени до времени можно было видѣть традиціонную церемонію нѣмецкаго брудершафта. Эта потребность дать волю чувству, столь естественная среди людей, связанныхъ общностью стремленій, идей и опасностей тѣснѣе, чѣмъ узами крови, придавала этимъ рѣдкимъ собраніямъ необыкновенно поэтической и задушевной характеръ».

Итакъ, на третій день послѣ убійства Кравчинскій былъ на пирушкѣ и занимался флиртомъ съ Любатовичъ...

Въ это время онъ также писалъ передовую статью для «Земли и Воли», въ которой, какъ говорить Любатовичъ, подчеркивая превращеніе идеалиста-народника въ террориста, онъ перваго сравнивалъ съ барашкомъ, мирно пасущимся на лугу. Это сентиментальное сравненіе было имъ, впрочемъ, выброшено по совѣту Морозова и Любатовичъ.

Вскорѣ послѣ выхода перваго номера «Земли и Воли» Кравчинскій оставилъ Россію.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Любатовичъ встрѣтилась съ нимъ уже въ Женевѣ. Онъ переводилъ съ испанскаго большой романъ извѣстнаго политическаго дѣятеля Каstellяра, рассчитывая помѣстить его въ журналъ «Дѣло», издатель котораго, Благосвѣтовъ, относился симпатично къ революціонерамъ. Какъ утверждаетъ Любатовичъ, онъ надѣялся этимъ путемъ получить сразу болѣе крупную сумму, въ нѣсколько сотъ рублей, и на эти деньги поступить подъ чужимъ

именемъ въ высшую военную Сенсирскую школу, въ которой воспитывался когда-то Наполеонъ, изучить военное дѣло и сдѣлаться вождемъ народнымъ.

Испанскій романъ, переведенный имъ при помощи Любатовичъ, напечатанъ не былъ. Кравчинскій перевелъ въ это время еще одинъ романъ, «Спартакъ», который и былъ напечатанъ въ «Дѣлѣ». Сначала К. жилъ въ одной комнатѣ, въ старомъ нагорномъ кварталѣ Женева, съ узкими, темными средневѣковыми улицами. Тамъ часто навѣщала его Любатовичъ, помогавшая ему переводить романы. Въ февралѣ или мартѣ въ Женева переѣхала и жена Кравчинскаго, Фанни Личкусъ.

Какъ рассказываетъ Любатовичъ, однажды Кравчинскій, разводя каминъ, сталъ раскалывать щепки для камина кинжаломъ, которымъ онъ убилъ Мезенцева. Это былъ итальянскій, четырехгранный клинокъ, длиною не болѣе 6 верш., съ цѣльной выкованной ручкой, покрытой тонкой пропаянной проволочной сѣтью. Хрупкая сталь отъ неловкаго удара по твердому, сучковатому дереву слабо хрустнула и упала къ ногамъ Кравчинскаго. Онъ былъ иногда очень суевѣренъ, и этотъ случай глубоко поразилъ его. Онъ долго стоялъ молчаливый и мрачный съ опущеннымъ взоромъ...

Жена Кравчинскаго все хворала, ей нужна была хорошая медицинская помощь, и онъ отправилъ ее въ Бернъ, самъ же прежде, чѣмъ ѣхать туда, провелъ мѣсяцъ въ горахъ въ Монтрэ, въ маленькомъ домикѣ, гдѣ поселились: Любатовичъ, Вѣра Засуличъ, Дейчъ и Стефановичъ, собиравшіеся ѣхать въ Россію а также Эпштейнъ.

Любатовичъ въ восторженныхъ краскахъ описываетъ этотъ мѣсяцъ, проведенный въ горахъ. Ихъ домикъ, въ двѣ небольшихъ комнаты, стоялъ одиноко, прилегая къ скалѣ. Впереди разстилалась зеленая поляна, а кругомъ, тѣсной стѣной,

возвышался могучій сосновый боръ. Былъ конецъ мая. Воздухъ былъ напоенъ весной, всѣ склоны горъ усѣяны цвѣтущими бѣлыми нарцисами, распространявшими упоительный ароматъ. Кругомъ полная, величественная красота природы, которая успокаивала душу...

По свидѣтельству Любатовичъ, къ Кравчинскому вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Женеву обращались агенты Бисмарка, предлагавшіе ему большія деньги на изданіе за границей русской революціонной газеты, но онъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе... Онъ предпочиталъ бѣдствовать и заниматься переводомъ своего испанскаго романа.

Въ Швейцаріи, какъ утверждаетъ также Любатовичъ, онъ производилъ все время опыты съ какимъ-то взрывчатымъ составомъ, матеріалы для котораго покупалъ на свои скудные средства...

Въ 1880 г. Кравчинскій подъ именемъ «Степнякъ» сталъ писать романы и рассказы изъ своего революціоннаго прошлаго. Его «Революціонные профили» и «Очерки изъ жизни революціонеровъ», изданные въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Подпольная Россія», появились первоначально на итальянскомъ языкѣ и пользовались громаднымъ успѣхомъ во всей Европѣ.

Въ 1884 г. Степнякъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ имъ были изданы: «Русское крестьянство», «Россія подъ властью царей», «Русская грозозаводящая туча», «Карьера нигилиста», «Нигилизмъ, какъ онъ есть», «Король-бревно и король-аистъ» и др.

Кравчинскій погибъ трагическою смертію. Близорукій и разсѣянный, онъ былъ достигнуть поѣздомъ, пересѣкающимъ Бедфордъ-паркъ, близъ котораго находилась его квартира, и былъ раздавленъ. Это событіе имѣло мѣсто 23 декабря 1895 г.

IV.

Рогачевъ.—Его «примѣты».—Женитьба.—Приключенія въ Тверской губ.—Рогачевъ въ Пензѣ.—Пензенскій кружокъ.—Саратовскій разгромъ.—Скитанія Рогачева и Войноральскаго.—Арестъ и судъ.—В. П. Рогачева.—Ея кievскія похождения.

Въ упомянутомъ нами «Спискѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознаніямъ и еще не разысканныхъ», опубликованныхъ въ концѣ 1874 года, первое мѣсто занимаетъ другъ и товарищъ по скитаніямъ Кравчинскаго и Войноральскаго, Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ. Его такъ описываетъ объявленіе о сыскѣ: «Отставной поручикъ артиллеріи. Роста высокаго, очень плотенъ; лицо продолговатое и вообще невыразительное; имѣетъ шрамъ, хорошо заросшій, на бородѣ или на щекѣ. Взглядъ тупой. Волосы на головѣ русые, бороды и усовъ не было. Шея очень жилистая. Лѣтъ 25—26. Обладаетъ громадной силой и рѣшительностью. Вращается преимущественно въ обществѣ семинаристовъ, гимназистовъ и гдѣ большое скопленіе рабочаго люда. Одѣвается то въ крестьянское, то въ обыкновенное платье. Называлъ себя Василіемъ Петровичемъ Орловымъ. Въ бытность свою письмоводителемъ у мирового судьи Пензенской губ., Городищенскаго уѣзда, Войноральскаго, онъ заготовилъ много паспортныхъ бланковъ съ печатями волостныхъ правленій того уѣзда. Имѣетъ свидѣтельство семинари-

ста Ивана Ареопагитскаго и воспитанника Введенской прогимназіи, чембарскаго мѣщанина, Николая Куликова. При задержаніи Рогачева необходимо принять предосторожности противъ его побѣга, въ виду его громадной силы».

Рогачевъ не числился членомъ ни одного изъ петербургскихъ кружковъ, но его имя упоминается на одной изъ первыхъ страницъ обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ, въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ еще въ 1872 г. квартиру Низовкина, на Выборгской сторонѣ, и читавшихъ лекціи рабочимъ». Въ своихъ разоблаченіяхъ Низовкинъ называетъ Рогачева однимъ изъ членовъ кружка «чайковцевъ», но это показаніе опровергается свидѣтельствами другихъ лицъ и въ томъ числѣ самого Чайковскаго. По показаніямъ Низовкина, Рогачевъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ еще въ 1872 г. разрабатывалъ стратегическіе планы для обладанія обѣими столицами и, прежде всего, петербургскими артиллерійскими казармами и крѣпостью.

Въ 1873 г. Рогачевъ, будучи уроженцемъ Орловской губ., вращался нѣкоторое время между орловскою молодежью и познакомился, между прочимъ, съ молодою нигилисткою Вѣрою Павловою Карповою. Чтобы освободить ее отъ власти родителей, онъ вступилъ съ нею въ фиктивный бракъ, послѣ чего каждый изъ супруговъ пошелъ своею дорогою.

Въ томъ же 1873 г. Рогачевъ поступилъ рабочимъ на Путиловскій заводъ и совершилъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ знаменитое путешествіе въ Тверскую губ., гдѣ оба были арестованы, но успѣли бѣжать. Рогачевъ очутился въ Пензѣ, откуда направился въ Городищенскій уѣздъ къ Войноральскому, занимавшему еще должность мирового судьи, и поступилъ къ нему въ письмо-

водители, подъ видомъ тульского семинариста, Василя Петровича Орлова.

Проживая въ селѣ Нижнемъ-Тафтѣ, Рогачевъ,—по словамъ обвинительнаго акта по дѣлу «193-хъ»,—занимался пропагандою между крестьянами, въ средѣ которыхъ онъ распространялъ «Стеньку Разина», «Исторію одного французскаго крестьянина», «Чтой-то братцы!» и т. д. «Не ограничиваясь пропагандою въ крестьянской средѣ, Рогачевъ, сверхъ того, поставилъ себѣ цѣлью развращеніе учащейся молодежи въ гор. Пензѣ. Посѣщая довольно часто означенный городъ, онъ уже съ февраля 1874 г. началъ вести агитацію между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній».

Какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ слѣдствіемъ по дѣлу «193-хъ», Рогачевъ, при посредствѣ дворянина Алексѣя Кулябко, познакомился съ гимназистами Сабелькинымъ и Кротоновымъ и съ семинаристомъ Добровымъ. При первомъ же знакомствѣ онъ завелъ съ ними разговоръ о необходимости литературныхъ вечеровъ и предложилъ имъ программу книгъ для чтенія на этихъ вечерахъ. Въ числѣ этихъ книгъ были сочиненія Флеровскаго, Лассаля, Овена, Фурье, Прудона и Чернышевскаго.

Рогачевъ велъ со своими молодыми друзьями разговоры о положеніи рабочаго класса въ Россіи, желчно отзывался о дворянахъ и купцахъ, говорилъ о томъ, что освобожденіе крестьянъ не принесло послѣднимъ никакой пользы.

Рогачевъ убѣждалъ Доброва идти въ народъ, а Сабелькина поступить сидѣльцемъ въ питейное заведеніе, но, когда послѣдній отказался отъ этой роли, онъ предложилъ ему составить кружокъ для литературныхъ чтеній. Добровъ, Кротоновъ и Сабелькинъ усвоили себѣ революціонное

направленіе и занялись пропагандою среди гимназистовъ и семинаристовъ. Добровъ даже написалъ какую-то прокламацію, въ которой говорилось, что не слѣдуетъ учиться, а надо идти въ народъ.

Такимъ образомъ возникъ пензенскій революціонный кружокъ, учредителями котораго были извѣстный изъ біографіи Войноральскаго Эдуардъ Каменскій, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Ареопагитскій и Покровскій. Направленіе кружка ничѣмъ не отличалось отъ направленія другихъ кружковъ этого рода. Онъ придерживался идей Бакунина и считалъ его формулу объ уничтоженіи государства и о замѣнѣ такового федераціей вольныхъ общинъ единственнымъ способомъ улучшенія народнаго быта. Пензу навѣщали многіе агитаторы: Блаудзевичъ, Судзиловская, Николай Жилинскій съ женою, Спѣсивовъ и друг. Кружокъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Войноральскимъ. Обвинительнымъ актомъ по дѣлу «193-хъ» установлено, что кружокъ устраивалъ часто сходки для поддержанія среди учащейся молодежи внушеннаго имъ направленія, съ одной стороны, и для пріобрѣтенія новыхъ членовъ, съ другой.

Всего весною 1874 г. было устроено шесть сходокъ. На всѣхъ ихъ игралъ главную роль Рогачевъ; онъ или читалъ какую-либо статью, на примѣръ, изъ журнала «Впередъ», и комментировалъ прочитанное, или убѣждалъ своихъ слушателей въ необходимости революціи и совѣтовалъ имъ бросить ученіе и идти въ народъ готовить его къ возстанію. На сходкахъ присутствовали обыкновенно пріѣзжіе революціонеры. Заканчивались обыкновенно сходки пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ.

Когда Войноральскій закончилъ печатаніе своихъ книгъ въ типографіи Мышкина, то три

ящика съ напечатанными листами отправилъ къ Рогачеву въ Пензу для брошюровки. Повидимому, Рогачевъ не могъ исполнить этого порученія, такъ какъ у него не было надлежаще подготовленныхъ мастеровъ. Была созвана сходка, на которой было рѣшено отправить трехъ семинаристовъ и одного гимназиста изучать типографское дѣло. Гимназистъ Корнѣевъ былъ помѣщенъ въ мѣстную типографію Градковскаго, а Куликовъ — къ переплетчику Доронину. Листы, присланные Войноральскимъ, находились на храненіи у Жилинскихъ, которые и помѣстили своего воспитанника Куликова въ переплетную мастерскую, надѣясь со временемъ при его помощи сброшюровать книги.

Между тѣмъ, Войноральскій звалъ Блаудзевичъ, съ которою онъ отправилъ въ Пензу отпечатанные листы сочиненій, и Рогачева въ Саратовъ, въ свою мастерскую, открытую тамъ. Рогачевъ возложилъ свои обязанности по пензенскому революціонному кружку на Сабелькина и собрался въ Саратовъ. Видъ на жительство дали ему Жилинскіе. Имъ оказалось свидѣтельство, выданное изъ петербургской Введенской прогимназіи на имя Николая Куликова. Лѣта въ свидѣтельствѣ были вытравлены и замѣнены лѣтами, подходящими къ возрасту Рогачева. Деньгами снабдилъ Рогачева и Блаудзевичъ Каменскій, и они вдвоемъ отправились въ Саратовъ въ знаменитую мастерскую Пельконена.

Они пріѣхали въ Саратовъ въ концѣ мая, спустя же нѣсколько дней послѣдовалъ разгромъ мастерской. Всѣ обитатели ея, и въ томъ числѣ Блаудзевичъ, были арестованы. Только Рогачевъ съ Коваликомъ успѣли выскочить въ окно безъ шапокъ и сапогъ и скрыться. Онъ явился на слѣдующій день къ Войноральской и предложилъ ей

ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Самару, разыскивать ея мужа, но затѣмъ почему-то измѣнилъ рѣшеніе и поручилъ сопровождать Войноральскую Фаресову, самъ же отправился въ Тамбовъ съ 200 руб., полученными отъ Войноральской.

Вскорѣ затѣмъ всѣ пензенскіе революціонные дѣятели были задержаны. Послѣ арестованія Жилинскаго его жена сожгла печатные листы, бывшіе у нея на храненіи.

Рогачевъ встрѣтился съ Войноральскимъ и Паевскимъ, и они втроемъ, подъ фамиліями Вольскаго-Иванова, Иванова, мастера изъ Тулы, и просто Иванова, отправились въ Тамбовъ, гдѣ интересовался тамошними артелями, заводили знакомства съ молодежью и т. д. Вскорѣ были арестованы Паевскій и Войноральскій, но власти совершенно потеряли изъ виду Рогачева. Было извѣстно только, что онъ отправился внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака.

Онъ оставался неразысканнымъ до 14-го августа 1876 года, когда былъ задержанъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Клеопатры Блаудзевичъ, освобожденной уже тогда изъ тюрьмы. У нея производился обыскъ по совершенно другому дѣлу, и Рогачевъ попалъ въ руки полиціи случайно.

Онъ называлъ себя сыномъ театрмейстера, Иваномъ Звонниковымъ. Видѣ на жительство и аттестатъ, выданный послѣднему владѣльцемъ склада паровыхъ машинъ въ Пензѣ Шишко, оказались при Рогачевѣ, и онъ упорно продолжалъ утверждать, что его фамилія Звонниковъ. Только послѣ того, какъ Низовкинъ узналъ его и объявилъ его настоящую фамилію, Рогачевъ пересталъ отрицать свое участіе въ пропагандѣ. Онъ былъ однимъ изъ обвиняемыхъ по дѣлу «193-хъ» и былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія исылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Фиктивная жена Рогачева, Вѣра Павловна, играла нѣкоторую роль въ исторіи знаменитой «Кіевской коммуны». Будучи еще въ III классѣ Орловской гимназіи, она поставила себѣ цѣлью быть полезною народу и трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, она стала заниматься собственнымъ своимъ развитіемъ, читая книги и вращаясь въ средѣ молодежи, разсужденія которой о равенствѣ и любви къ ближнимъ, а также о поднятіи умственно-нравственнаго уровня народа и необходимости революціи, произвели на нее глубокое впечатлѣніе.

Въ концѣ 1873 г. Рогачева была арестована по дѣлу о революціонной дѣятельности ея мужа. Освобожденная въ февралѣ 1874 г., Рогачева поступила, подъ именемъ Авдотьи Даниловой, въ работницы на прядильную фабрику Ламздорфа, на Охтѣ, гдѣ, впрочемъ, проработала недолго. Она принадлежала къ кружку Каблицы и Чернышева, бывала у Блаудзевичъ, въ квартирѣ которой познакомилась съ Брешко-Брешковскою. Вмѣстѣ съ послѣднею, Каблицемъ, Петельманомъ и Цвиневою Р. отправилась въ имѣніе «Горяны», Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи. Тамъ она, по ея собственнымъ словамъ, вела настолько удачную пропаганду, что ей... удалось довести одну дѣвушку до сознанія необходимости истребленія пановъ.

Вмѣстѣ со всею компаніею она переѣхала въ Кіевъ, гдѣ поселилась въ тамошней «коммунѣ». Р. ходила работать на монастырскіе огороды и въ деревню Хотово, причемъ брала съ собою «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Стеньку Разина». Осенью 1874 г. она возвратилась въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ была задержана. Во время обыска въ ея квартирѣ было найдено нѣсколько запрещенныхъ книгъ.

По приговору сената по дѣлу «193-хъ» Рогачева была оправдана.

V.

Ф. Л. Волховскій. — Первый арестъ. — Нечаевское дѣло. — Херсонскій кружокъ. — А. А. Франжолл. — Изъ воспоминаній Лукашевича. — Братья Жебуневы и «сень-жебунисты». — Кіевскій съѣздъ «сень-жебунистовъ». — Учительствованіе въ Черниговской губерніи. — Мастерская Николая Жебунева. — Арестъ Волховскаго и Франжолл. — Желябовъ. — Арестъ Квятковскаго. — Мовша Сима и арестъ Чудновскаго. — Приговоръ надъ «сень-жебунистами».

Въ числѣ семнадцати «чайковцевъ», объединившихся во имя общихъ задачъ, къ концу 1876 г., занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ Феликсъ Вадимовичъ Волховскій, главный организаторъ одесскихъ кружковъ, къ исторіи которыхъ мы и переходимъ.

Феликсъ Волховскій родился въ Малороссіи въ 1846 году. Въ 1868 г., въ бытность студентомъ Московскаго университета, онъ испыталъ первыя гоненія со стороны полиціи. Онъ принималъ участіе въ подпискѣ на покупку дешевыхъ книгъ по исторіи и политической экономіи, предназначенныхъ для распространенія среди крестьянъ и рабочихъ. Это послужило поводомъ къ производству обыска въ квартирѣ Волховскаго. Хотя у него не было найдено ничего предосудительнаго, но его продержали въ заключеніи около семи мѣсяцевъ.

Волховскаго перевезли въ Петербургъ, гдѣ онъ

содержался сначала при Третьемъ Отдѣленіи», а затѣмъ, около мѣсяца, въ Петропавловской крѣпости. «Въ теченіе этихъ семи мѣсяцевъ,—вспоминаетъ Волховскій,—каждая двѣ недѣли, а то и еженедѣльно, меня водили на допросъ, производимый въ присутствіи разныхъ генераловъ секретаремъ слѣдственной комиссіи. Допросъ состоялъ въ томъ, что мнѣ старались внушить, будто все мои поступки извѣстны полиціи, а потому единственнымъ шансомъ на смягченіе наказанія для такого ужаснаго преступника является лишь чистосердечное признаніе. Если же вмѣсто отвѣта я спрашивалъ, въ чемъ меня обвиняютъ, секретарь говорилъ, что я знаю это не хуже его, и продолжалъ допросъ: знакомъ-ли я съ Л.? когда встрѣтилъ его въ первый и когда въ послѣдній разъ? съ кѣмъ онъ вмѣстѣ жилъ изъ товарищей? кто были его друзья? и т. д.

Послѣ выхода изъ заключенія Волховскій возвратился въ Москву и поступилъ на службу въ книжный магазинъ Черкезова въ качествѣ бібліотекаря, но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ 16-го апрѣля 1869 г. онъ былъ арестованъ по распоряженію 3-го Отдѣленія. Въ магазинѣ Черкезова служилъ одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ по Нечаевскому дѣлу, Успенскій, существовали «серьезныя» улики, что Волховскій былъ знакомъ съ Нечаевымъ.

Обвиненіе противъ него было формулировано слѣдующимъ образомъ:

«Противъ дворянина Феликса Волховскаго, несмотря на совершенное отрицаніе его въ принятіи какого-либо участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ Нечаева, существуютъ, однако же, слѣдующія улики. По его собственному признанію, онъ во время студенческаго движенія въ Петербургъ принялъ отъ пріѣхавшаго оттуда студен-

та Енишетслова рукописное изложеніе студенческой исторіи съ тѣмъ, чтобы распространить его. Волховскій при этомъ не объяснилъ, что побудило его взять на себя распространеніе этой рукописи, въ подлинникъ не отысканной и, можетъ быть, вполне непроступнаго содержанія, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что онъ не чуждъ былъ студенческому движенію. Далѣе, въ бумагахъ его найдены двѣ рукописи: одна, заключающая въ себѣ программу революціонныхъ дѣйствій, другая, въ которой обсуждается характеръ политическихъ переворотовъ, вообще, и возможность такого переворота въ Россіи.

«Въ ней, между прочимъ, есть такого рода мѣсто: «Устройте такъ, чтобы силы эти были приблизительно одинаковы, чтобы противъ партіи дѣйствія очутился въ одинъ прекрасный день не дворецъ, опирающійся на войско, а только одинъ дворецъ, который самъ по себѣ слабъ. Мнѣ кажется, что при быстротѣ и смѣломъ образѣ дѣйствій хорошо организованной партіи вовсе не невозможно овладѣть этой вещицею.

«Каковы бы ни были объясненія Волховскаго насчетъ находенія у него этихъ бумагъ, но преступное содержаніе ихъ не могло не быть ему извѣстно, а между тѣмъ, храненіе ихъ у него, въ виду того обстоятельства, что онъ видѣлся съ Орловымъ и съ Нечаевымъ, хотя бы и подъ именемъ Павлова, въ Москвѣ, въ началѣ 1869 г., къ каковому времени, по его же собственному показанію и по показанію свидѣтельницы, переписывавшей первую рукопись съ оригинала, Надежды Успенской, и слѣдуетъ отнести появленіе этой революціонной программы, а затѣмъ вышеуказанная готовность его распространить изложеніе студенческой исторіи, въ которой онъ лично заинтересованъ не былъ,—все это заставляеть подозрѣ-

вать его въ участіи въ тѣхъ же подготовительныхъ дѣйствіяхъ къ возбужденію народнаго возстанія, а, слѣдовательно, и къ ниспроверженію существующаго образа правленія, въ какихъ подорѣвается и обвиняемый Орловъ».

Особымъ присутствіемъ петербургской судебной палаты, судившимъ «нечаевцевъ», Волховскій былъ оправданъ, но онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ съ 16-го апрѣля 1869 по 15-е іюля 1871 г., то есть два съ четвертью года.

Выпущенный изъ тюрьмы Волховскій въ началѣ 1872 г. вступилъ въ кружокъ «чайковцевъ». Вскорѣ послѣ этого онъ женился и переѣхалъ сначала на Кавказъ, а затѣмъ въ Одессу, гдѣ занималъ должность «губернскаго писмоводителя», какъ выражается Перрисъ. Тамъ онъ занимался пропагандою и одинъ изъ первыхъ «чайковцевъ», попавшихъ въ руки 3-го Отдѣленія, Любавскій, былъ завербованъ въ организацию Волховскимъ. По свидѣтельству Лукашевича, Волховскій отправился въ Херсонъ и организовалъ тамъ изъ гимназистовъ и молодежи кружокъ, изъ котораго вышли впоследствии небезизвѣстные революціонеры: Лангансъ и Лукашевичъ. Почва для образованія кружка была подготовлена уже раньше Андреемъ Афанасьевичемъ Франжоли, студентомъ технологическаго института, высланнымъ изъ Петербурга за участіе въ какихъ-то студенческихъ беспорядкахъ. Такъ какъ онъ былъ уроженцемъ Херсона, то его и послали туда подъ надзоръ полиціи.

Франжоли былъ, повидимому, однимъ изъ близкихъ друзей Волховскаго и дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Ф. происходилъ изъ бѣдной семьи, ютившейся въ одной изъ жалкихъ квартирокъ Херсона. По недостатку средствъ Ф. долженъ былъ покинуть гимназію послѣ четвертаго класса и поступить въ аптекарскіе ученики. Спустя три

года онъ выдержалъ экзамень на аптекарскаго помощника, но, состоя на службѣ въ аптеку Мюллера, цѣлыя ночи проводилъ надъ книгами и, несмотря на всѣ препятствія, сумѣлъ подготовиться къ поступленію въ институтъ.

Франжолли поступилъ опять на службу въ аптеку и въ свободное отъ занятій время сталъ собирать у себя на квартирѣ по ночамъ гимназистовъ, читалъ съ ними Лассалья и Добролюбова и пользовался между ними большимъ авторитетомъ. Въ воспоминаніяхъ Лукашевича мы находимъ высоко характерный рассказъ о томъ, какъ Франжолли привлекъ его къ числу своихъ послѣдователей:

«Одинъ изъ товарищей, уже начинавшій читать Лассалья, зазвалъ меня на собраніе, гдѣ читались статьи Добролюбова о «Темномъ царствѣ» и о «лучѣ свѣта» въ немъ. Мнѣ, при тогдашнемъ моемъ полудѣтскомъ развитіи, эти прекрасныя статьи казались не особенно интересными и были мало доступны. Монотонное чтеніе вслухъ меня почти-что усыпляло, и я пересталъ ходить на «добролюбовскія» и «лассалевскія» сходки, инициаторомъ и руководителемъ которыхъ былъ Франжолли. Но какъ-то разъ, на другой день послѣ такого собранія, на которомъ я не присутствовалъ, мы съ Андреемъ случайно встрѣтились въ саду... Вылитый изъ бронзы, огромный и суровый князь Тавриды, и понынѣ стоящій въ своей великолѣпной позѣ посреди херсонскаго городского сада, былъ свидѣтелемъ того, какъ неотразимъ бывалъ «призывъ» Андрея Франжолли... Онъ только взглянулъ на меня своимъ добрымъ и въ то же время открытымъ, мужественнымъ взглядомъ, едва лишь успѣлъ озабоченно спросить, отчего меня не было на чтеніи, какъ вдругъ мнѣ стало невыразимо стыдно того, что я такъ по-

зорно отлыниваю отъ хорошаго дѣла. Если бы въ заключеніе нашего короткаго разговора онъ и не коснулся невзначай своей апостольской рукой моего смиреннаго плеча, я все равно былъ уже пойманъ однимъ его чарующимъ взглядомъ, однимъ звукомъ его милаго голоса».

Франжоли подготовилъ уже почву, когда въ Херсонъ пріѣхалъ Волховскій. Онъ привезъ туда первые экземпляры нелегальныхъ изданій, старый памфлетъ Лемене подъ заглавіемъ «Слово вѣрующаго народу», программу готовившагося тогда къ выходу журнала Лаврова «Впередъ».

Подъ вліяніемъ Волховскаго въ кружкѣ не разъ обсуждался вопросъ, оканчивать-ли курсъ въ учебномъ заведеніи, или идти «въ народъ». Маковѣевъ, Лангансъ, Лукашевичъ и Франжоли рѣшили, что ученіе—вещь, совершенно лишняя, и бросили гимназію. Всѣ четыре вполнѣдствіи фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу «193-хъ». Лукашевичъ переѣхалъ въ Петербургъ, его товарищи дѣйствовали на югѣ.

Волховскому удалось организовать въ Одессѣ многочисленный кружокъ, къ которому принадлежали, между прочимъ: Владиміръ и Сергій Жебуневы, Франжоли, Макаревичъ, Кацъ, Голиковъ, Глушковъ, Дическуло, Лангансъ, Викторъ Костюринъ, Желябовъ, Макавѣевъ и другіе.

Впрочемъ, въ Одессѣ существовалъ не одинъ, но два кружка, находившіеся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ, а также и съ «кіевскою коммуною»: кружки Жебуневыхъ и Волховскаго. Выяснена болѣе или менѣе детально исторія кружка Жебуневыхъ. Дѣятельность кружка Волховскаго такъ и остается почти неизвѣстной.

Три брата Жебуневы: Николай, Владиміръ и Сергій, жена Николая, Зинаида Ивановна, и Марія Блинова, вышедшая вполнѣдствіи замужъ за

Владимира, осенью 1872 г. основали въ Женевѣ свой кружокъ «сень-жебунистовъ». Къ кружку примкнули: Петръ Макаревичъ, Анна Розенштейнъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ, Кебіевъ, Квятковскій, помѣщикъ Георгій Трудницкій и другіе. «Сень-жебунисты», называемые другими русскими эмигрантами «сумасшедшимъ орденомъ сень-жебунистовъ», находили, что въ Россіи, странѣ, по преимуществу земледѣльческой, народное благо осуществимо единственно путемъ развитія сельскихъ общинъ. Поэтому они рѣшили содѣйствовать, съ одной стороны, улучшенію сельскаго хозяйства, съ другой, вносить въ народъ соціальныя идеи и поднимать его умственный уровень, подготавливая его къ борьбѣ съ буржуазіей.

Въ февралѣ 1873 г. «сень-жебунисты», за исключеніемъ Макаревича и Анны Розенштейнъ, вернувшихся въ Россію, отправились во Францію и занялись изученіемъ сельскаго хозяйства. Въ іюнѣ Георгій Трудницкій возвратился въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи. Въ сентябрѣ къ нему пріѣхалъ Николай Жебуневъ и убѣдилъ его продать имѣніе и на вырученныя отъ продажи деньги купить отдѣльные небольшіе участки земли и завести на нихъ образцовое хозяйство.

Трудницкій продалъ имѣніе и въ сопровожденіи Николая Жебунева и чиновника екатеринославской контрольной палаты, Константина Иванова, извѣздилъ Саратовскую и Самарскую губерніи въ поискахъ за подходящими земельными участками; но найти что-либо подходящее имъ все-таки не удалось, и Николай Жебуневъ уѣхалъ обратно за границу, а Трудницкій поселился въ Воронежѣ.

Въ ноябрѣ 1873 г. къ Трудницкому пріѣхали Сергій Жебуневъ и Кебіевъ и объявили ему, что

кружокъ радикально измѣнилъ свои убѣжденія, оставилъ совершенно идею мирнаго прогресса и пришелъ къ заключенію, что только посредствомъ революціи можно достигнуть какихъ-либо результатовъ. Для обсужденія программы дѣятельности въ томъ же ноябрѣ былъ устроенъ въ Кіевѣ съѣздъ, на которомъ присутствовали: Трудницкій, Сергѣй и Владиміръ Жебуневы, жена послѣдняго, урожденная Блинова, Кобіевъ и сельскіе учителя: австрійскій подданный Андрей Франколи и мѣщанинъ Михаилъ Кацъ.

Владиміръ Жебуневъ сообщилъ Трудницкому, что онъ намѣренъ предложить на обсужденіе съѣзда вопросъ, не слѣдуетъ-ли кружку войти въ сношеніе съ разбойничьими и воровскими шайками, чтобы съ ихъ помощью добывать матеріальныя средства, нужныя на покупку и печатаніе запрещенныхъ книгъ.

Съѣздъ призналъ необходимымъ устройство революціи съ предоставленіемъ самому народу вопроса о переустройствѣ существующаго политическаго и соціальнаго строя, но не сомнѣвался, что результатомъ переворота явится федеральный союзъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга сельскихъ общинъ, не управляемыхъ никакими общими законами или представительными собраніями, то-есть анархія.

Лучшимъ способомъ веденія революціонной пропаганды была признана вербовка агитаторовъ изъ среды самого народа, причемъ была выработана слѣдующая программа дѣйствій:

- а) группами расселиться по Россіи;
- б) организація должна быть вполнѣ федеральная;
- в) не составлять никакого общества, подобно «нечаевцамъ», не писать уставовъ, правилъ и программъ и т. п.;

г) войти въ сношеніе съ другими кружками революціонеровъ для передачи книгъ, брошюръ, прокламацій и для взаимной поддержки;

д) не вести между собою переписки о революціонномъ дѣлѣ;

е) не дѣйствовать на массу;

ж) если кто будетъ сельскимъ учителемъ, то не дѣйствовать въ школѣ и, вообще, гдѣ бы то ни было публично на массу, а быть по наружности вполнѣ благонамѣреннымъ;

з) въ отношеніи религіи, обрядовъ, приличій и пр. не нарушать существующихъ понятій;

и) о царѣ крестьянамъ ничего худого не говорить;

к) дѣйствовать путемъ разговоровъ съ отдѣльными личностями, находить въ селахъ людей протестующихъ и обращать ихъ въ революціонеровъ;

л) знакомить и соединять такія личности для того, чтобы въ случая возстанія поднялось разомъ много сель и

м) въ городахъ дѣйствовать на артели, пропагандируя возстаніе подъ видомъ обученія грамотѣ.

Такимъ образомъ, программа «сень-жебунистовъ» мало отличалась отъ программъ другихъ бакунинскихъ кружковъ.

По окончаніи съѣзда Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Трудницкій и Кацъ поселились въ Коноптскомъ уѣздѣ. Владиміръ Жебуневъ получилъ мѣсто сельскаго учителя въ Дептовкѣ, Кацъ въ Комарахъ, но затѣмъ перешелъ въ село Великій Самборъ, его же мѣсто въ Комарахъ занялъ Трудницкій, помощникомъ котораго былъ назначенъ Сергѣй Жебуневъ. Франжоли тоже получилъ мѣсто учителя въ с. Фастовцахъ, Борзенскаго уѣзда, Черниговской губ., Николай Жебуневъ и Макаревичъ съ женами и Кобіевъ поселились въ Олесеѣ.

Учительствовавшіе пропагандисты часто посѣщали другъ друга и, занимаясь пропагандою, старались дѣйствовать очень осторожно и казаться благонадежными, но понемногу распространяли революціонныя книги: «Исторія одного французскаго крестьянина», «О мученикѣ Николаѣ», «Чтой-то братцы!», «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ», говорили хлопцамъ, что всѣ должны быть равны, что надо идти на пановъ, побить ихъ и раздѣлить ихъ земли, что можно обойтись и безъ царя.

Распропагандированный «сень-жебунистами» крестьянинъ Сгорѣлецъ написалъ подъ ихъ руководствомъ: «Разказъ о бывшихъ въ 1861 и 1868 г.г. возмущеніяхъ крестьянъ въ селѣ Комарахъ» и воззваніе подъ заглавіемъ «Птицы съ желѣзными носами», что должно было обозначать пановъ.

Однако, дѣятельность такого рода продолжалась недолго. Пропагандистовъ сталъ навѣщать Яковъ Стефановичъ и доказывать имъ, что необходимо дѣйствовать болѣе энергично. Онъ убѣждалъ ихъ прямо идти въ народъ, застаться фальшивыми крестьянскими паспортами и изучить какое-нибудь ремесло.

Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій «сень-жебунисты» ликвидировали свое предпріятіе: сожгли бывшія у нихъ революціонныя книги и переписку и разъѣхались въ разныя стороны. Сергѣй Жебуневъ, Франжоли и Кацъ поѣхали въ Одессу, гдѣ уже находились, какъ упомянуто выше. Николай Жебуневъ и Макаревичъ съ женами и Кобіевъ. Пока другіе «сень-жебунисты» занимались учительствомъ, Николай Жебуневъ поступилъ въ слесарное заведеніе Рыхлицкаго, а затѣмъ открылъ собственную кузницу, которую 15 іюня 1874 г. перенесъ въ село Васильевку, въ 60 верстахъ отъ Одессы. Макаревичъ обучался

сапожному ремеслу, сначала одинъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Франжоли.

Конспиративную квартиру Макаревича и Франжоли, какъ выяснилось впоследствии дознаніемъ, часто посѣщали: Волховскій, Голиковъ, братья Жебуны, Глушковъ, Кацъ, Дическуло и Лангансъ, изъ которыхъ послѣдніе два вскорѣ уѣхали на пропаганду въ Екатеринославскую губ. На сходкахъ говорилось всегда объ одномъ только предметѣ: о мѣрахъ къ скорѣйшему возбужденію возстанія, обсуждался также вопросъ объ организаціи вооруженнаго сопротивленія на случай ареста.

Въ мастерской Николая Жебунова въ Васильевкѣ работали два настоящихъ кузнеца, Шрейдеръ и Крыжановскій, перешедшіе къ нему изъ заведенія Рыхлицкаго. Кромѣ того, тамъ работали Иванъ Павловъ, какой-то плотникъ, Павло, который, впрочемъ, скоро скрылся, укравъ 125 руб., и Александръ Косипоринъ, послѣдній въ качествѣ ученика. Николай Жебуновъ велъ себя весьма осторожно, но все-таки занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ и пропагандой. Въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Николаемъ Жебуновымъ находился Дическуло, устраивавшій весной 1874 г. рекогносцировочные походы къ крымскимъ татарамъ. Онъ возвратился изъ Крыма весьма довольный, такъ какъ въ Евпаторіи ему удалось устроить стачку рабочихъ на одномъ заводѣ, гдѣ работало свыше 1000 человекъ, и такъ какъ убѣдился, что крымскіе татары—народъ весьма пригодный для революціоннаго дѣла.

Дическуло вскорѣ опять ушелъ изъ Одессы. Ему удалось достать гдѣ-то 1000 руб., изъ которыхъ часть онъ далъ Николаю Жебунову, а на остальные деньги онъ открылъ мастерскую въ

селѣ Пепельнастомѣ, Верхнедрѣповскаго уѣзда, Екатеринославской губ. У него работали и Лангансъ; къ Николаю Жебуневу прїѣзжали часто Сергѣй Жебуневъ, Глушковъ и Макаревичъ, доставлявшій въ кузницу революціонныя книги. Въ мастерской видѣли также прїѣхавшую изъ Одессы молодую дѣвушку, 16 лѣтъ, одѣвавшуюся въ крестьянское платье, по имени Елена. Она жаловалась, что отъ мужиковъ нельзя ожидать толку, такъ какъ «станешь имъ говорить про дѣло, а они лѣзутъ обниматься».

Сергѣй Жебуневъ, Кацъ и Глушковъ (братъ жены Николая Жебунова) жили въ Одессѣ на одной квартирѣ и занимались: первые два бондарнымъ, послѣдній столярнымъ ремесломъ.

Изъ пропагандистовъ, учительствовавшихъ въ Черниговской губ., Владиміръ Жебуневъ поѣхалъ въ Харьковъ и поступилъ тамъ рабочимъ къ сапожнику Пенщитевскому, имѣя въ виду открыть со-временемъ собственную сапожную мастерскую. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ арестованъ. Когда объ этомъ было получено извѣстіе въ Одессѣ, то Сергѣй Жебуневъ отправился немедленно въ Васильевку предупредить брата Николая. Тотъ немедленно ликвидировалъ свое предпріятіе: революціонныя книги сложилъ въ мѣшокъ и отправилъ въ Одессу, а самъ съ женою скрылся такъ хорошо, что его потеряли изъ виду не только жандармское управленіе, но даже Вл. Бурцевъ, который ни разу не упоминаетъ этой фамиліи въ своемъ знаменитомъ хронологическомъ указателѣ политическихъ и общественныхъ событій въ Россіи «За сто лѣтъ». По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, можно полагать, что Николай Жебуневъ съ женою уѣхалъ въ Англію и поселился тамъ.

Предупредивъ брата о грозившей ему опас-

ности, Сергѣй Жебуневъ рѣшилъ предупредить и Франжоли. Послѣдняго уже не было въ Одессѣ. Онъ уѣхалъ въ тѣ же Фастовцы, гдѣ состоялъ раньше учителемъ, въ качествѣ сапожника, предполагая заняться пропагандою. Жебуневъ съ Макаревичемъ отправили къ нему Костюрина, но, пока тотъ пріѣхалъ въ Фастовцы, Франжоли былъ уже арестованъ и заключенъ въ Конотопскую тюрьму. На обратномъ пути былъ арестованъ въ Кіевѣ и Костюринъ.

Послѣ ареста Франжоли на его имя пришло два слѣдующихъ письма:

«А наша тетушка Ефросинья Петровна такъ опасно заболѣла, что ее вчера отвезли въ Москву. Понимаешь-ли, чѣмъ это пахнетъ: перенесетъ-ли она такое путешествіе, мы же пока, слава Богу, здоровы, хотя погода здѣсь теперь стала что-то не совсѣмъ хорошая, да и не у насъ однихъ. Вонъ пишутъ, что и въ Крыму стала тоже плохая погода. Леонидъ и Колька недавно были у меня. Они здоровы, и у нихъ все хорошо, отправились на мѣсто, а нѣмецъ теперь у меня сидитъ и тебѣ поклонъ шлетъ. Отъ Витьки часто получаю письма. Онъ пока еще на правахъ больного. Отъ Сашки ни слова; я не понимаю, что бы это значило».

Второе письмо гласило:

«Извѣщали-ли васъ, что Ефросинья Петровна заболѣла и даже очень. Вчера мнѣ говорили, что будто ищутъ Ольгу Р., но, можетъ быть, это невѣрно... Леонидъ здравствуетъ... Самъ я буду въ Одессѣ мѣсяць, два»...

Слѣдствіемъ установлено, что оба письма написаны Макаревичемъ. Тетушка Ефросинья Петровна, о здоровьи которой столь беспокоятся, это — Феликсъ Волховскій, арестованный въ началѣ августа 1874 года въ Одессѣ и отправленный въ Москву; Леонидъ — Дическуло, нѣмецъ — Лан-

гансъ, Колька—Костюринъ, Сашка—Александра Охременко, учительница въ Черноостровѣ и т. д.

Конечно, послѣ того, какъ вышеприведенныя письма были перехвачены, дошла очередь и до Макаревича. Онъ былъ арестованъ въ Одессѣ. Допрошенные въ качествѣ свидѣтелей сосѣди показали, что его квартиру часто посѣщали молодые люди, повидимому, образованные, но одѣтые мастеровыми. Обыкновенно собиралось человекъ пять-шесть, но раза три или четыре собиралось ихъ человекъ по пятнадцати. Они вели себя столь тихо, что одна свидѣтельница высказывала предположеніе, не занимаются-ли они выдѣлкою фальшивыхъ монетъ.

«Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ квартиру Макаревича,—гласитъ обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ»,—былъ нѣкто крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, исключенный изъ Новороссійскаго университета за участіе въ беспорядкахъ 1872 г.»

Онъ тоже былъ арестованъ, причемъ уликою, компрометирующей его, оказалось шифрованное письмо, отправленное имъ въ Петербургъ женѣ Макаревича, Аннѣ:

«Въ дополненіе ко всему сказанному пріѣхавшими, пишу по просьбѣ Петра. Въ Цюрихѣ онъ былъ, Жебуневыхъ зналъ мало, бывалъ рѣдко, изъ-за границы мы возвратились вмѣстѣ. Петръ видѣлъ въ Одессѣ Жебуневыхъ раза два, Трудницкаго, который васъ видалъ, зналъ мало, Леонида Квятковскаго и Кобіева также мало, объ остальныхъ молчите. Пишите, что долженъ сказать о вашей поѣздкѣ въ Конотопъ? На случай вашего ареста, загодя, просите своихъ родителей взять васъ на поруки или внести залогъ; предстоитъ такое чудесное предпріятіе, что я и этому письму не хочу довѣрить, но для успѣха

нужны деньги. Я уже телеграфировалъ въ Кіевъ, не знаю, вышлютъ-ли. Если вы богаты, спѣшите сдѣлать переводъ ста рублей на контору Мааса въ Одессѣ».

Макаревичъ, находившаяся по какимъ-то дѣламъ въ Петербургѣ, не ожидая ареста, послѣдовала примѣру Николая Жебунова и скрылась безслѣдно.

О ней въ «Спискѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознаніямъ и еще не разысканнымъ», составленномъ въ концѣ 1874 года, имѣлись слѣдующія свѣдѣнія:

«Макаревичъ Анна, урожденная Розенштейнъ, жена дворянина. Лѣтъ около 20; бѣлокурая, лицо чистое, бѣлое; средняго роста; недурна собой».

Жебуновы, мужъ и жена, тоже разыскивались по тому же списку, и о нихъ имѣлись тамъ слѣдующія данныя:

«Жебуневъ, Николай Александровичъ, дворянинъ Екатеринославской губерніи. Лѣтъ 27. Роста высокаго, стройный; волосы на головѣ и небольшой бородѣ темно-русые; лицо смуглое, чистое, продолговатое, худощавое; типъ цыганскій; одѣвается въ русское платье».

«Жебунова, Зинаида Ивановна. Жена Николая Жебунова, дочь мѣщанина Глушкова. Родомъ изъ Харькова. Молодая, бѣлокурая, небольшого роста, худощавая, немного сгорбленная, на видъ болѣзненная; лицо съ веснушками. Носитъ русское платье».

Леонидъ Дическуло и Вильгельмъ Лангансъ были задержаны въ селѣ Попельнастомъ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на границѣ Екатеринославской и Полтавской губерній. Они появились тамъ въ первыхъ числахъ іюня 1874 года. Лангансъ, называвшій себя одесскимъ мѣщаниномъ, Мартыномъ Петровымъ, открылъ бондарную мастерскую, для которой нанялъ мастера, крестья-

нина Ивана Лямина, назначивъ ему жалованье вдвое больше того, чѣмъ онъ получалъ у своего стараго хозяина. Лагансъ считался хозяиномъ мастерской, а Дическуло и Макавѣевъ учениками. Ремесла не знали никто изъ нихъ, работали они мало и небрежно, съ крестьянами они держали себя, какъ съ равными, рассказывали имъ про преимущества жизни въ Америкѣ.

Дическуло и Лагансъ были арестованы въ своей мастерской, гдѣ былъ произведенъ тщательный обыскъ, обнаружившій, какъ говорить обвинительный актъ по дѣлу «193-хъ», нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и довольно значительное количество народныхъ рассказовъ, въ томъ числѣ: «Дѣдушка Егоръ» въ 22-хъ экземплярахъ, а также карты Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Подольской губерній.

Такимъ образомъ, къ осени 1874 года почти всѣ члены одесскихъ кружковъ были арестованы и заключены въ тюрьму. Благодаря сношеніямъ съ Жебуневыми попалъ также въ руки жандармовъ Тимофей Квятковскій, занимавшійся пропагандою въ Тульской губерніи. Квятковскій въ 1869 году состоялъ студентомъ Петербургскаго университета, гдѣ былъ знакомъ съ Клеменсомъ, затѣмъ поступилъ въ технологическій институтъ, а въ 1873 году отправился въ Цюрихъ, гдѣ сошелся близко съ Жебуневыми и не прекращалъ съ ними сношеній и по возвращеніи въ Петербургъ. Такъ, весною 1874 года, онъ навѣстилъ ихъ въ деревнѣ. По дорогѣ туда, въ вагонѣ желѣзной дороги, онъ разговорился съ какимъ-то рабочимъ и отъ него узналъ, что въ селѣ Хотушахъ, Тульскаго уѣзда, существуетъ артель слесарей, но дѣла ея идутъ очень плохо.

Такъ какъ Тимофей Квятковскій, вмѣстѣ со своимъ братомъ Александромъ, давно собирался осуществить на практикѣ ученія социалистовъ

объ артеляхъ, то онъ и написалъ сейчасъ же своему брату въ Петербургъ письмо, въ которомъ предлагалъ воспользоваться представившимся случаемъ уѣхать въ Хотуши поддерживать артель. Александру Квятковскому очень понравилось это предложеніе, и въ началѣ мая 1874 года братья открыли въ Хотушахъ слесарную мастерскую.

Завѣдывалъ предпріятіемъ Тимофей Квятковскій. Кромѣ деревенскихъ рабочихъ, поступившихъ въ мастерскую, тамъ занимались: Александръ Квятковскій, бывшій студентъ медико-хирургической академіи, сынъ купца, Иннокентій Павловичъ Пьянковъ, помощникъ мѣстнаго учителя, сынъ священника, Дмитрій Павловичъ Соколовъ, и еще какой-то интеллигентъ, фамилія котораго такъ и осталась невыясненной, Александръ Антоновичъ. Хотя интеллигентные рабочіе старались по образу жизни, ничѣмъ не отличаться отъ простыхъ и ѣли вмѣстѣ съ ними, но слесаря называли ихъ «хозяевами.»

Работа въ мастерской производилась не на артельныхъ началахъ, но на основаніи задѣльной платы. Хозяева желали кормить рабочихъ скоромною пищею въ дни постовъ, говорили имъ, что молиться Богу не слѣдуетъ, и въ доказательство читали и толковали мѣста изъ Евангелія. Они говорили рабочимъ, что землю надо отобрать силою у помѣщиковъ, что всѣ должны быть равны между собою, что платить податей не нужно, что и царя не надо, но народъ долженъ выбирать государя каждые три года и смѣнять, если это окажется нужнымъ. Хозяева читали рабочимъ разныя книги, но изъ нихъ они запомнили не заглавію только «Сказку о четырехъ братьяхъ». Рабочіе подмѣтили также, что хозяева находятся съ кѣмъ-то въ перепискѣ и получаютъ письма, писанныя не буквами, а шифрами.

Дѣла въ мастерской шли плохо, и у хозяевъ замѣчался недостатокъ въ деньгахъ. Кончилось тѣмъ, что однажды Александръ Квятковскій и Пьянковъ уѣхали въ Хотуши. Спустя нѣкоторое время примѣру ихъ послѣдовали Тимофей Квятковскій и Соколовъ, и въ мастерской осталась на правахъ хозяина одинъ только Александръ Антоновичъ. Однажды и онъ, напоивъ какъ-то всѣхъ рабочихъ пьяными, бѣжалъ изъ Хотушъ.

Тимофей Квятковскій былъ задержанъ и содержался въ Тулѣ подъ домашнимъ арестомъ, но бѣжалъ оттуда и былъ задержанъ вторично въ городѣ Ковнѣ, откуда съ подложнымъ паспортомъ собирался бѣжать за границу.

Соколовъ былъ задержанъ въ Вильнѣ подъ именемъ студента Кіевскаго университета Тарловскаго. Той же участи подверглись и другіе участники Хотушинской артели.

Противъ Макаревича удалось найти серьезныя улики слѣдующимъ образомъ:

Проскуровскій исправникъ задался цѣлью изслѣдовать, какими путями доставляются въ Россію нелегальныя заграничныя изданія. Въ этихъ видахъ онъ вошелъ въ соглашеніе съ староконстантиновскимъ мѣщаниномъ Мовшею Шмулевичемъ Симою. Послѣдній отправился въ Подволочискъ, нашелъ какимъ-то образомъ нѣкоего Юсса Эллера, занимавшагося, дѣйствительно, отправкою запрещенныхъ книгъ въ Россію, и условился съ нимъ, что онъ доставитъ ему въ назначенное мѣсто пять тюковъ съ книгами, которыя онъ, въ свою очередь, обязался доставить въ Одессу нѣкому Зейликовичу для передачи Ивану Ивановичу.

Эллеръ исполнилъ свое обѣщаніе, доставилъ пять тюковъ въ указанное мѣсто, гдѣ контрабандистовъ поджидалъ исправникъ съ полицейскими, но ему не удалось задержать никого, такъ

какъ лица, доставившія книги, сообразили во-
время, въ чемъ дѣло, бросили тюки и бѣжали. Въ
тюкахъ оказалось: 523 экземпляра «Исторіи од-
ного крестьянина», 490 экземпляровъ брошюры
«О мученикѣ Николаѣ», 390 экземпляровъ бро-
шюры «Чтой-то братцы!», 155 экземпляровъ
«Вольнаго атамана Степана Тимофеевича Рази-
на» и т. д. На одномъ тюкѣ былъ адресъ Кадай-
скаго, на другомъ Чудновскаго.

Послѣ такой неудачи Сима отправился въ
Одессу къ Зейликовичу узнавать, кто такой
Иванъ Ивановичъ, но ничего не узналъ, такъ
какъ, дѣйствительно, Зейликовичъ не зналъ, кто
такой это лицо, но онъ далъ Симѣ цѣнное указа-
ніе. Онъ сказалъ ему, что Кадайскій—австрій-
скій желѣзнодорожный чиновникъ въ Подволо-
чискѣ. Сима отправился туда и при помощи вся-
каго рода ухищреній узналъ отъ него адресъ нѣ-
коего Попича въ Одессѣ, который, по словамъ Ка-
дайскаго, укажетъ ему Ивана Ивановича, то-
есть, лицо, которое получить книги и уплатить
за нихъ 250 рублей. Въ этихъ переговорахъ
участвовалъ даже Эллеръ, котораго Сима съумѣлъ
ловко обмануть.

Пріѣхавъ вторично въ Одессу, Сима отпра-
вился къ Попичу, но тотъ, несмотря на предъ-
явленіе всѣхъ условленныхъ документовъ и зна-
ковъ, увѣрялъ, что не знаетъ ничего по этому
дѣлу. Однако, спустя нѣсколько дней къ Симѣ
пришелъ какой-то человекъ съ большою черною
бородою и спросилъ, не онъ-ли тотъ Эллеръ. Си-
ма сказалъ, конечно, что да, и тогда незнакомецъ
возразилъ, что онъ пришелъ къ нему за книгами.
Послѣ долгихъ переговоровъ было условлено, что
незнакомецъ явится къ Симѣ въ тотъ же день,
въ 7 часовъ вечера, и что они отправятся въ
квартиру одного еврея, на Молдованку, гдѣ не-

знакомецъ получить книги и уплатить за нихъ 230 рублей.

Въ условленный часъ незнакомецъ явился съ двумя товарищами, и они съ Симою на двухъ извозчикахъ отправились на Молдованку. Жандармы, наблюдавшіе издали за этою сценою, видѣли, что на одномъ извозчикѣ ѣхалъ Сима съ господиномъ съ черною бородою, на другомъ—хорошо имъ извѣстный Макаревичъ съ какимъ-то неизвѣстнымъ. Сима привезъ заказчика на Молодованку, въ квартиру унтеръ-офицера жандармовъ Семенова. Тамъ оказалось, что господинъ съ большою черною фальшивою бородою и есть Чудновскій, Соломонъ Лейзеровичъ, сынъ одесскаго купца, бывшій студентъ, сначала Новороссійскаго университета, затѣмъ медико-хирургической академіи, исключенный оттуда во время беспорядковъ.

Петръ Макаревичъ отрицалъ всякое участіе свое въ этомъ дѣлѣ, доказывалъ, что въ день ареста Чудновскаго онъ не выходилъ изъ дому, но это не спасло его. Онъ, какъ и Чудновскій, попалъ въ разрядъ самыхъ тяжелыхъ преступниковъ по дѣлу «193-хъ», и оба были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на пять лѣтъ. Самое тяжелое наказаніе, однако, выпало на долю Квятковскаго, присужденнаго къ девятилѣтней каторгѣ. Сергѣй Жебуневъ, Волховскій и Франжолли попали на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, Кацъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ и 3 мѣсяца.

Остальнымъ одесситамъ было зачтено въ наказаніе предварительное заключеніе, часть ихъ была оправдана.

И С Т О Ч Н И К И.

- Б. Базилевскій (В. Богучарскій). — «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.». Т. III.
- Старикъ. — «Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу». «Былое», №№ 10—12.
- С. Степнякъ. — «Подпольная Россія».
- П. Кропоткинъ. — «Записки революціонера».
- Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. — «Воспоминанія».
- С. Ф. Русова. — «Мартынъ Лангансъ». «Былое», № 5.
- О. С. Любатовичъ. — «Далекое и недавнее». «Былое», №№ 5 и 6.
- Д. Перрисъ. — «Пионеры русской революціи».
- Н. А. Морозовъ. — «Андрей Франжоли». «Былое», № 15.
-

100

БЕЗПЛАТНО

Исторической библиотени 32

(болѣе 2000 стран.)

Вторая Государственная Дума (250 стран.) 4

Политической библиотени (болѣе 1500 стран.) 24

ВЫПУСКОВЪ: Популярно-научной библиотени (болѣе 2500 стр.) 40

А также ВЫПУСКОВЪ.

Иллюстрированные художественно-литературные журналы:

„НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“
и „ОГОНЕКЪ“

100

получаютъ въ 1907 году подписчики издаваемой С. М. Пропперомъ 27-ой годъ

1 25 коп.
три мѣс.
1 Руб.

большой политической, общественной и литературной ежедневной газеты

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

5 за годъ
съ перес.
5 Руб.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“
С.-Петербургъ, Галерная, 40, собств. домъ.